

КСЕНИЯ ЖИГАЛИНА

СОБАКИ

Ксения Жигалина

Собаки

«Издательские решения»

Жигалина К. А.

Собаки / К. А. Жигалина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964818-1

Чего ждать, поселившись в небольшой деревне? Тишины, свободного времени. Текущей крыши и скуки. Плохих дорог и неудобного расписания автобусов. Так всё и было у главного героя. А ещё — собаки. С них всё и началось. Кто-нибудь видел ветер? Знает его? Говорил с ним? А с полярным сиянием? Рядом течёт никому неизвестная жизнь. Только изредка её удаётся увидеть человеку, когда нужен Привратник. И даже в этой непостижимой жизни порой происходят события ещё более исключительные, родом из бездны времён.

ISBN 978-5-44-964818-1

© Жигалина К. А.
© Издательские решения

Содержание

1. Ветер. Собаки. Октябрь. Нельзя	6
2. Болезнь. Собачий чай. Сон. Зеленъ	11
3. Ошейники. Памятник. Праздник	17
4. Заметка. Волжанки. Скамейка. Сосновая шишка и мыло	28
5. Первый поход. Ветер. Привратник. Можжевельник	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Собаки

Ксения Александровна Жигалина

© Ксения Александровна Жигалина, 2020

ISBN 978-5-4496-4818-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Ветер. Собаки. Октябрь. Нельзя

Он жил в доме на самом краю деревни. Его дом стоял, вроде, и не на холме, но там всегда, всегда дул ветер. Штиля, на его памяти, не было ни одного дня. И часа не проходило без ветра. Было такое чувство, что дом, впрочем, как и вся деревня, находится на пересечении ветряных путей. А самое странное было то, и заметил он это только тогда, когда прожил здесь уже больше недели, что каждый день ветер менялся. Точнее, не день. Каждые сутки. Ветер менялся в районе четырёх часов утра. Он выяснил это за несколько бессонных ночей. Постепенно ветер слабел, будто додувал остатки. Повисала какая-нибудь пара минут полного штиля, и поднимался другой ветер, новый.

Предугадать сегодня, какой ветер будет дуть завтра, было невозможно. Он мог быть в другом направлении и другого характера. Он мог быть тёплым или прохладным. Мог быть знойный суховей, словно пряником из пустыни. Мог быть сырой и промозглый, как бриз с северного океана. Это, конечно, зависело от времени года, но, впрочем, не всегда.

Некоторое время он даже вёл дневник наблюдений. Он начал его вести, когда к переменчивости ветра, поразившей его, добавилось то, что было уже чересчур. Запах.

Через пару дней после того, как он обнаружил ежедневную смену ветра, он поймал себя на том, что ему везде мерещится запах котов. Это было невыносимо. Он сантиметр за сантиметром облазил и, буквально, обнюхал весь дом. Он обошёл весь участок у дома. Он обследовал изгородь и кусты. И даже пошёл на хитрость – поставил на крыльце тарелку с куском рыбы. Ничего. И никого. Но запах продолжал его преследовать. Даже за закрытыми окнами. Провозившись с этим до темноты, он решил завтра же утром поискать правды у главы местного инициативного комитета, который показывал ему дом перед покупкой. Но, когда он проснулся следующим утром, он с удивлением (и с облегчением) обнаружил, что вчерашний кошмар исчез без следа. Ни единого намёка. Даже наоборот. Сегодня всё было до того замечательно, что он просто диву давался. А потом сообразил. Пахло белой акацией. Не сильно, едва уловимо, но он почувствовал. Запах его детства. Бабушкин двор.

Он позавтракал в прекрасном расположении духа и пошёл осмотреться по деревне, найти акацию. На улице аромат чувствовался сильнее, чем в доме, и он смотрел по сторонам, ожидая вот-вот наткнуться на дерево из детства. Но наткнулся только на главу инициативного комитета. Глава комитета поздоровался с ним и любезно заметил, что выглядит он гораздо бодрее, чем всего несколько дней назад. Это всё деревня, покивал глава. Здесь особый воздух, такой, какого в городе давно не осталось. Согласившись насчёт воздуха, он добавил, что и пахнет изумительно – акацией. Они здесь растут? Он не был уверен, климат ли здесь для них. Глава комитета разулыбался и ответил, что это обычная реакция нового человека. Это всё шутки здешнего ветра. Сегодня акация, а вчера, вон, было хоть в петлю лезь от вездесущей кошатины. Он усталился на главу комитета в недоумении. Ветер, ветер, повторил тот. Каждый день новый. Мы уже не обращаем внимания. Разве что, когда из ряда вон. Главе пора было бежать, и они распрощались.

Так вот в чём дело. Никакая акация тут, к сожалению, не растёт. И владение его, к счастью, не облюбовали здешние кошки. Ветер. Вот тогда, за неимением ни обременительных, никаких вообще, дел, он и завёл дневник. Направления его мало интересовали, но он заносил и их, иногда.

19 мая. Липа. Холодно. Запад.

20 мая. Новая книга.

21 мая. Раскалённые камни. Очень жарко.

22 мая. Мокрая пыль. Восток.

23 мая. Клубника.

Он вёл его месяца два. Он надеялся уловить в их очерёдности какую-то закономерность, систему. Но так её и не нашёл. Потом, через год, день в день, он сверял новые ветра с прошлогодними записями, но они не совпали. А если вдруг дул ветер, который попал в его записи, то за ним следом никогда не дул тот, что следовал за описанным в дневнике.

Окна в доме можно было открыть настежь или закрыть все до единого – не было никакой разницы. Ветер проникал обязательно.

Он жил один. В доме с двумя собаками. Когда он въехал, собаки уже жили в доме. Большая и маленькая. Он пытался выяснить, почему они здесь живут, как долго и почему одни. Но никто ему ничего толкового не сказал. Живут и живут. Нет, дом действительно не имеет другого хозяина, у него же все документы. Собаки? Какие собаки? Ах, эти. А они разве мешают купить дом и жить в нём? Нет? Ну и прекрасно. Откуда? Да кто ж их знает. Живут и живут. Но он недоумевал. Откуда им тут взяться вдвоём и одним? Местные жители обращали на них внимания мало до странности. Он даже решил, что о них и знают-то не многие.

А ещё на крыше его дома был флюгер. Флюгер был затейливый, тёмно-серебристый и почему-то дракон. Он указывал направление ветра разинутой пастью с длинным раздвоенным языком, а к стойке крепился тоже длинным, свитым кольцами хвостом. Почему дракон? Да и зачем вообще нужен флюгер в месте, где ветер меняет своё направление по одному ему ведомым законам. Несмотря на это, флюгеры были у всех. Петушки, флажки, простые стрелки. А у него дракон. Дракон был, как собаки – всегда. А почему, собственно, и нет? Это эстетично и вносит некоторую долю экзотики в стройные ряды петушков и флажков. Не говоря уже о стрелках, снисходительно улыбнулся глава инициативного комитета, у него был золотой петушок. Ему даже показалось, что глава был несколько задет. Да, дракон. И да, собаки. Повезло, можно сказать! А он с расспросами. И он не стал больше тогда спрашивать. Просто въехал.

Собаки, надо сказать, терпеливо отнеслись к его вторжению. Они по-прежнему спали в кухне под столом. Кухня была просторная, а стол большой. Он не возражал. Дверь из кухни во внутренний двор была с удобной ручкой, нажимала на которую большая собака, в то время как меньшая терпеливо стояла рядом, не задавая глупых вопросов и вообще не суетясь. Открыв дверь, большая пропускала меньшую, выходила сама и закрывала за ними дверь. Выйдя из дома утром, собаки возвращались только вечером – спать под столом до следующего утра. Он понаблюдал и выяснил, что каждое утро они, пройдя через внутренний двор, представлявший собой миниатюрный садик, выходили за калитку и направлялись дальше, на луг, уходивший далеко влево и вправо.

Собаки от него ничего не требовали, и он не вмешивался в их образ жизни. Когда он только въехал, по утрам они уходили как раз тогда, когда он спускался в кухню завтракать. Так совпало. А потому он как-то раз пришёл в кухню немного раньше, из интереса – что они станут делать? Свернут подъём и уйдут при его появлении? Или продолжат лежать под столом до своего обычного времени? Он вошёл и распахнул окно. Сегодняшний ветер был с нежным ненавязчивым ароматом жасмина, который вскоре воцарился в кухне, к его удовольствию. Он с минуту постоял, наслаждаясь, у окна и продолжил. Щёлкнул выключателем, зажигая свет над разделочным столом, и занялся завтраком. Собаки остались лежать под столом, наблюдая за ним. Он сварил кофе, поджарил тосты и намазал их ореховой пастой. Когда всё это с негромким деликатным стуком переключало на стол, собаки вышли из-под него, цокая когтями по полу, звук этот ему понравился, и сели рядом смотреть, как он ест и читает местные новости.

Он косился на них, хрустя тостом и листая газету. Они внимательно провожали тост глазами. Он вернулся к кофе, когда вдруг раздалось предательское урчание в животе одной из собак. Посмотрев на них, он увидел, что большая укоризненно глядит на явно сгорающую

со стыда меньшую. Тогда он взял один намазанный тост, разломил его почти пополам и поставил в тарелке перед собаками. Собаки посмотрели на тарелку, на него, друг на друга и приняли угощение. После этого большая носом подвинула к нему пустую тарелку, меньшая вежливо махнула пару раз хвостом, и они вышли в дверь своим обычным образом. С того утра он делил с ними завтрак. Где и что они едят в остальное время – оставалось для него загадкой. К нему они с этим не подходили.

Всё это повторялось изо дня в день. Кроме двух недель в октябре. На эти две недели собаки уходили совсем. В первый свой октябрь здесь он забеспокоился, что с ними что-то случилось. Он ходил искать их на луг и даже в лес за лугом. За две недели он хорошо изучил окрестности, но собак так и не встретил. И никто их не видел, он спрашивал.

Вечером, на исходе тех двух недель, он, уже почти отчаявшись, сидел в кухне и ковырял вилкой свой ужин, когда вдруг дверная ручка наклонилась, дверь открылась, и собаки как ни в чём не бывало вошли в кухню. Он так обрадовался, что вскочил со стула. Собаки, кажется, оценив порыв, вежливо помахали хвостами и даже согласились на ужин. Со следующего утра жизнь в доме вернулась в своё привычное русло.

А в следующем октябре повторилось то же самое. Но он уже не переживал так сильно. Его занимало другое. В прошлом году он ничего такого не заметил. Вероятно, из-за пропажи собак. Но в этом, в этом обратил внимание. Ветер, меняющийся обычно каждую ночь, вдруг остался и на следующий день. И на следующий. И ещё на день. И ещё. Он поменялся только в те сутки, что вернулись собаки. Это был ветер с запахом сухих трав, сеника. Он ещё подумал, повезло, мог ведь задержаться и какой-нибудь с болота или с автотрассы. Или анисовый.

Он спрашивал у соседей и у главы инициативного комитета. Они подтвердили. Да, раз в году, в октябре, на две недели устанавливается один ветер. Вот, к примеру, в том году ведь был ветер без запаха. Весьма редкий здесь ветер, весьма. Вот ещё почему он не заметил. А за год до его приезда, да, ему повезло, был кошмар – запах горячего асфальта. Потом ещё две недели люди выветривали дома. Две недели – не шутка!

Почему так происходит, они не знали. А почему ветер каждый день в остальные пятьдесят недель года разный? То-то и оно. Порядок вещей. Ах, собак тоже нет две недели? И что? Уже второй раз ушли? Ну, так это же собаки. Странно, что чаще не уходят. Да и уходят, наверняка, он просто не замечал. Наверняка. А он что, следит за ними? Последний вопрос задал продавец газет, аж высунув кончик языка, довольный своей шуткой. А он подумал: интересная мысль.

Пока собак не было, он день ото дня всё больше укреплялся в своём намерении однажды утром пойти с ними. Мысли сделать это тайком он даже не допускал. Всё-таки собаки, от них не скроешься. Но, думал он, раньше ведь он просто не пробовал. А почему, кстати? Он удивился сам себе. Ведь правда. Они ни разу не шли ему в голову вот так – с вопросами об их ежедневном отсутствии. Ответить себе он не смог. Разве что – не время было. Да. Словом, надо просто попробовать. Что, если они и не будут против его компании?

По прошествии двух недель свежего сена, как обычно, вечером явились собаки, явно рассчитывающие на ужин. Удивительно, подумал он, на еду вечером согласились лишь раз, год назад, но дело посчитали стоящим и традицию установленной раз и навсегда. На ужин у него были овощи с курицей и карри. Несколько островато, но им понравилось. Большая подвинула к его ногам пустые тарелки, они помахали ему хвостами и ушли под стол.

Наступившее утро было полно каких-то мандаринов что ли. Во всяком случае, ему ветер навевал мысли о новогодней ёлке. Он спустился в кухню, полный решимости и ожидания. Намазал разрезанные пополам сдобные булки маслом на троих, порезав собачьи на кусочки, сварил себе кофе, обновил собакам воду, которую они, кстати, приняли сразу и благодарно

ещё на заре их совместного проживания. Покончив со своим завтраком как можно быстрее, он остался сидеть за столом, листая газету. Когда большая подвинула к нему тарелки, он поставил их в раковину и направился за собаками к двери. Он подождал, пока они выйдут, и, едва большая закрыла дверь, вышел за ними во двор.

Собаки оглянулись на него, переглянулись и продолжили свой путь. Он, не веря в такую лёгкую победу в даже не начавшейся битве, двинулся следом. Так они дошли до конца сада, много времени это не заняло. За символическим забором шла узкая грунтовая дорожка, своеобразная деревенская кольцевая, за которой начинался луг. Собаки дошли до дорожки и обернулись. Посмотрев мимо него, они вдруг залаяли на что-то, на что-то у дома. Он мигом обернулся, сделал несколько шагов к дому и, поскольку истошный лай не прекращался, побежал через сад обратно. Он вбежал в кухню, обежал комнаты, выбежал через основной вход, сделал круг вокруг дома, ничего не обнаружил и тут понял, что вокруг стоит тишина. Он бегом вернулся на дорожку – так и есть, собаки скрылись. Провели его, как мальчишку, рассмеялся он. Он ещё постоял, пытаясь рассмотреть их в высокой траве, палевую и рыжую с белым, но без толку.

Улыбнувшись, он повернул к дому – отмывать следы своего позора, натоптал он по дому изрядно. Шутники. Второй раз он на эту удочку не попадётся.

Почти весь этот день он провёл в городе по поручению инициативного комитета. Его, человека в деревне нового, привлекли для очередной встречи с городскими чиновниками на предмет установки на центральной площади деревни памятника. Ветру. Главной их достопримечательности. Два года комитет бился за получение разрешения. А теперь, добившись, без конца согласовывал сам монумент, его конструкцию и внешний вид.

Новое утро принесло запах соснового леса. Спустившись в кухню, он застал собак мирно спящими под столом. Нарезав привезённый вчера из города пирог с капустой на троих, он снова побыстрее управился со своим куском и, допивая кофе, стал ждать собак. Те же явно не торопились уходить. Они сосредоточено доели, придирчиво оглядели и обнюхали свои тарелки, подвинули их, тщательно вылизанные, к его ногам, потом, как обычно, помахали ему хвостами и вышли из дома. Он вышел следом. Дойдя до калитки, собаки снова остановились. Остановился и он и, опершись о калитку, стал смотреть, что они предпримут. Собаки переглянулись и, поскольку он так и стоял за калиткой, собрались продолжить свой путь. И уже повернулись было к нему хвостами, но тут он вышел на дорожку. Удостоверившись, таким образом, что он всё-таки решил идти за ними и дальше, собаки сели. Яснее выразиться было бы трудно. Он ход оценил и вернулся в дом. Ему явно не разрешили идти.

Он потратил день на размышления о том, что ему следует делать дальше. И в конце концов решил завтра попробовать снова.

Следующим утром собаки вели себя как обычно, ничем не выдавая своих чувств и соображений по поводу вчерашнего. Втроём они позавтракали омлетом, он выпил кофе. Собаки вышли. И он вышел. Как и вчера, они дошли до дорожки и сели. Он решил последовать их примеру и тоже сел. Собаки смерили его долгим взглядом и отвернулись. Они действовали почти синхронно. Они разглядывали дорожку, смотрели по сторонам, с интересом нюхали сегодняшний ветер, принесший запах арбузов не ко времени. Умей они говорить, подумал он, это был бы чистой воды светский трёп. Так прошло минут десять. Тут собаки вдруг встали и направились на луг. Он тоже поднялся, разминая затёкшие ноги. Тогда большая обернулась и сурово посмотрела на него. Затем они продолжили путь. Ему снова не разрешили.

Он попинал ботинком камешки на дороге и пошёл к дому. Собаки, живущие в его доме, не разрешают ему пойти с ними. Хотя, по их мнению, подумал он вдруг, скорее уж, это он живёт в их доме. Непонятно, кстати, почему. Они его не приглашали. Хорошо хоть завтраком стал кормить и воду менять. Но ведёт себя нехорошо, вызывающе. Навязывается. Мда.

Чтобы как-то отвлечься от своего нового провала, он пошёл в деревенское кафе, где собирался местный инициативный комитет, полностью ли, частично ли или совсем частично, в лице одного главы, с двенадцати до часу почти ежедневно. Дело он порученное в городе сделал, городских убедил. Хотя в этот раз на его стороне был главный козырь – финансовый. Они собрали нужную сумму сами. Так что, строго говоря, его заслуга была не так велика, хотя привлечение нового лица тоже сыграло свою роль. Проект наконец согласовали. На бумаге всё выглядело красиво и необычно. Памятник предполагался из металла. В материалах и покрытиях для подобных целей он не особо разбирался, но мысль была высокохудожественная, работа тонкая, и ему было непонятно, удастся ли её вообще воплотить в жизнь. Он подозревал, что те, в городе, тоже этого не понимали, и согласование комитет получил только по причине самофинансирования.

Этими соображениями он и поделился с главой инициативного комитета. На что тот возразил – у них есть два человека, способные на настоящую красоту. Все ещё увидят. Спорить он, разумеется, не стал. Если глава прав, и всё будет так, как он говорит, их деревня обретёт настоящий шедевр.

На следующее утро он накормил собак тостами с печёночным паштетом. Они не возражали. Ему даже показалось, что меньшая махнула хвостом не два заведённых у неё раза, а целых три. Расценив это как добрый знак, он снова вышел в сад вслед за ними.

Они проделали обычный уже свой путь до дорожки. И, едва он дошёл до калитки, собаки сели. Он готов был поклясться, что большая вздохнула. Так что он снова остался за калиткой. Собаки с явным облегчением на мордах встали и двинулись через луг. А он остался смотреть. Собаки становились всё меньше. Трава давно была сухая, и большую он скоро перестал различать, только рыжую меньшую. В конце луга, довольно большого, у леса, ему было их уже совсем не видно, но он был уверен, что они вошли в лес.

Когда он искал их в прошлом октябре, он исходил весь луг вдоль и поперёк, но в лес далеко не заходил. С этой, его, стороны деревни он был просто непроходимый, настоящие дебри. Сгинуть. Местные жители не ходили в лес с этой стороны. С другой стороны был другой лес. Там водились грибы, ягоды и белки, был источник и красивый ручей. А в этом только овраги, болото, бурелом и крапива в рост. Не видели они нужды сюда ходить.

А собаки, значит, видели. И ходили. Ежедневно. Ещё и, надо полагать, на те две недели раз в году. Он тоже должен туда пойти. Он же поселился в этом доме? Значит надо идти. Но для этого ему придётся уговорить собак.

И он стал каждое утро провожать их до калитки. Если он оставался по ту сторону, в саду, собаки даже стали махать ему хвостами на прощание. Но, если делал попытку выйти на дорожку, тут же садились. Это противостояние продолжалось весь остаток осени и всю зиму.

2. Болезнь. Собачий чай. Сон. Зелень

А в начале весны он заболел. Однажды утром он не спустился в кухню и не приготовил завтрак. Собаки прождали его у стола дольше обычного, но его не было. Тогда они поднялись по лестнице и подошли к его двери. Понюхав дверь, большая вздохнула и нажала на ручку, такую же, как в кухне. Собакам открылась тёмная комната, окно с задёрнутыми шторами. Он спал. Они подошли к кровати, и большая понюхала его лицо, от чего он проснулся. Он так удивился их приходу, что промолчал. Хотя у них и так слова были, в общем, не в ходу. Он сел, опустив ноги на пол. Маленькая внимательно посмотрела на них, отошла и вернулась с тапками. Он послушно сунул в них ноги и поднялся. Спал он сегодня не раздеваясь, поэтому был довольно помятым, но и одеваться не пришлось. Только вязаный свитер, который большая принесла ему с кресла у окна. Он надел его и в сопровождении собак спустился в кухню.

Собаки, как всегда, сели у стола и стали смотреть, как он, медленнее, чем обычно, варит в турке свой кофе, нарезает хлеб, намазывает готовые тосты ореховой пастой с мёдом, их любимой, и нарезает их тосты обычными квадратиками.

Когда завтрак был съеден, большая подошла к плите, встала на задние лапы и ткнула носом холодный чайник. Она оглянулась на него и ткнула носом чайник ещё раз. Он молча поднялся, налил в чайник воды и поставил его на огонь. Маленькая, всё это время неподвижно сидевшая у своей пустой тарелки, встала и подошла к этажерке у двери в сад. Там, на нижней полке стоял коробок с каким-то, как он считал, хламом от прежних хозяев. Честно сказать, он несколько раз думал его выбросить, но это было не к спеху, коробок не мешал ему, его вещам места хватало, и он каждый раз то забывал, то откладывал. Маленькая по-хозяйски сунула нос в коробок, порылась там среди старых газет, мятых свёртков, прищепок, пакетиков и пачек с истёртыми этикетками и вытащила в зубах пучок какого-то сена. С этим букетом в зубах она подошла и села у его ног, внимательно смотря ему в глаза. Он, начав уже слегка беспокоиться, не бредит ли он в жару, наклонился и взял предложенное. Обе собаки сидели у плиты и выразительно смотрели то на чайник, то на него с гербарием. Наконец он сообразил и положил траву в большую кружку. Когда чайник засвистел, он налил в кружку кипятка и сел с ней за стол. На мордах собак он прочитал удовлетворение. Собаки посидели ещё немного, потом посмотрели друг на друга, и большая вышла из дома. Одна.

А маленькая, значит, осталась за няньку, подумал он. Похоже на то. Маленькая осталась сидеть у стола и внимательно смотрела на него. Так они и сидели молча, пока отвар не остыл до того, что его можно стало пить. На вкус он был такой, каким и должен был быть. Чуть горьковатый, смолистый, травяной. Довольно приятный.

– Это из леса? – подал он голос.

Меньшая встала и пошла из кухни в коридор. Остановившись в дверном проёме, она оглянулась на него и нетерпеливо затопала лапками на месте, явно ожидая, что он последует за ней. Он взял кружку и тоже вышел. Таким образом она привела его назад в его спальню, подождала, пока он допьёт, и дала понять, чтобы он лёг, несколько раз завалившись на спину со всех четырёх. Он, улыбнувшись, последовал её настоящему совету и тут же вырубился.

Ему приснился сон. Приснилось утро, ещё сумерки. Ранняя весна. Он выходит из кухни в сад. Выходит и останавливается. Осматривается. Сад ещё весь в снегу, только дорожка утоптана, и снег на ней подтаял. Небо всё в мокрой вате туч. Он набирает полные лёгкие воздуха. Сегодняшний ветер – сырой, прохладный. Вкусный. Ветер, в котором чувствуется весна. Угадывается сама собой, минуя сознательное, затылком. Такой ветер будит беспокойство в лопатках.

Проснулся он уже вечером. Дико голодный, весь мокрый и без температуры. Умывшись и переодевшись, он спустился в кухню, где меньшая лежала на коврике под столом.

Он сделал ей тост с ореховой пастой с мёдом и, присев на карточки рядом со столом, поставил тарелку перед ней. Она постучала хвостом об пол и приняла благодарность. Вернувшись большую тоже ждал тост. И этот был вежливо съеден.

На следующее утро он был уже практически здоров и после завтрака проводил обеих собак до калитки. Они помахали ему хвостами и ушли. Как на работу, подумал он. Самому ему на работу ходить уже не приходилось. Он решил, что совершил все свои подвиги, после очередного госпиталя подал в отставку и, никому ничего не сказав, уехал. Сюда. Остановился в городе, несколько дней провёл в номере с газетой объявлений и телефоном, неделю поездил по району и выбрал этот дом. Жил он на пенсию, перечисляемую ему ежемесячно. На скромную жизнь хватало. Прежние сбережения он истратил на этот дом, а больше собирать было не с чего, не на что и незачем.

Снег уже кое-где подтаивал на солнце, и он решил пройтись до площади. Там, как он знал, уже идёт сооружение постамента для памятника. Он видел памятник только на бумаге, да и то почти полгода назад, помнил его не особо детально, но, в общем, помнил. И ему было интересно, какой постамент выбрали для ветра. Ветер, кстати, сегодня был с пылью.

Он дошёл до площади, по центру которой действительно возвышалось нечто, накрытое брезентом чьей-то временно пожертвованной для дела плащ-палатки. Интересно, подумал он. Плащ-палатка. А под ней? Он подошёл к комитету, что-то горячо обсуждавшему тут же, поздоровался и попросил разрешения посмотреть постамент. Получив добро, он подошёл к постаменту и отодвинул край брезента. Под ним оказался огромный серый камень. Настоящий, с гордостью в голосе прокомментировал глава комитета, подошедший составить ему компанию. Местный, в лесу нашли. Еле дотащили. Краеведы говорят, с ледникового периода тут лежит, со времени таяния. Красавец! Правда ведь? Он посмотрел на камень ещё раз и согласился с главой, улыбающимся огромному валуну. Правда, пока он не на своём месте. Он будет там, правее, ближе к мемориальной плите и шиповнику. Там соорудим небольшую кладку из камушков поменьше. Постамент для постамента. Открытие назначено в мае, в День деревни. Будет праздник и даже газетчики. Глава комитета раскачивался на пятках, как довольный мальчишка.

Неделю спустя ему снова приснился сон. Опять он выходит в сад. Опять смотрит вокруг. Опять видит клочкастое серое небо. Тучи гонит ветер, сырой и свежий, от которого становится легко в голове, светло внутри, и почему-то тянет поводить плечами.

Проводив собак, он сварил себе ещё кофе и, взяв с собой кружку, вышел в сад. Никакого крыльца или, тем более, веранды тут не было, только большой козырёк. Дверь из кухни выходила на забетонированную площадку, в которую расширялась отмостка с этой стороны дома. Поэтому он взял из кухни стул и сел посреди подсохшего пятна у двери. Он вспоминал сон. У него и раньше случались повторяющиеся сны, но все они были, так или иначе, связаны с работой, не с мирной жизнью. А тут второй раз. Правда, на первый он внимания не обратил. Когда он ему приснился? Точно, в тот день, когда собаки напоили его чаем. Собаки напоили его чаем. Он бы не поверил, да и температура была высоченная. Но в комнате была кружка, а в кухне – меньшая. И она съела тост. И большая, кстати, тоже. Значит было. Только что-то там было не так. Что-то такое вокруг было не таким, как в этом сне. Точно. Тогда снега было больше, вот оно. Но вообще, два раза, в конце концов решил он, ещё ничего не значат. А вот он завтра снова попытается пойти с собаками.

Наутро ничего нового не произошло. Пахло лавандой, приводившей на ум бабушкин шкаф. Собаки помахали ему с дорожки хвостами. А когда он взялся рукой за калитку – сели.

Спокойно, привычно. Нельзя. Всё, как всегда. Он развернулся и вернулся в дом. Всё, как всегда. За исключением двух моментов. Во-первых, ему снова снился сон. Только сегодня он вдруг продолжился. Раньше такого не было. Раньше его повторяющиеся сны продолжений не имели. Они могли отличаться в деталях последующий от предыдущего, как в случае со снегом, но это всё равно были вариации на основную тему сна. А тут и темы-то пока не было. И продолжение было поэтому вполне отчётливое. Сегодня он вышел, огляделся. Утро. Небо. Тучи. Ветер. Свежий и бодрящий. Всё так. А дальше он пошёл через сад. Он прошёл сад насквозь, как делает каждое утро, и дошёл до калитки. Вот и всё. Но по отношению к сюжету всего сна – довольно много.

И ещё. Когда он утром ставил перед собаками тарелки с их омлетом с сыром, большая мельком встретилась с ним глазами, опустила взгляд в тарелку и тут же снова подняла. Затем, чтобы снова посмотреть ему в лицо. Как будто она что-то увидела, но осознала это мгновением позже и вернулась рассмотреть. Смотрела она на него так, словно у него вдруг открылся третий глаз. Будь она человеком, поскребла бы затылок. Что она увидела в нём?

Он встал со стула, занёс его в дом, оставил недопитый кофе на столе и подошёл к большому, в рост, зеркалу в коридоре. Оглядев себя, уделив особое внимание лицу и глазам, он не нашёл ничего нового и интересного. Собаки. Они каждый день ходят в лес, не едят, не берут его с собой и лечат его травяным чаем. Единственное, что он от них слышит, не считая того лая, это цоканье когтей и стук хвоста о пол. Да они и хвостами машут так, будто им и не надо, но сказали же: собакам так полагается. Вот и машут. Как отличники. Что она увидела в нём – знает только она.

Он снова прошёл через кухню в сад, по пути захватив кружку. Он тут сидел, думал, смотрел, ходил на себя посмотреть – собаки уже, конечно, в лесу. Вон он чернеет. С виду лес как лес. Через месяц зазеленеет. Непролазный, да. Гулять по такому – удовольствия мало. И странный он. Вроде, обычная неухоженная чащоба прямо от края. Но входишь туда, и ощущение, что вступил на частную территорию. С видеонаблюдением. Тебя здесь не ждали, тебя не звали сюда, ты нарушил границу, уходи. Неудивительно, что местные туда не ходят.

День он провёл в городе по своим делам. А вернувшись вечером, застал у своей двери главу инициативного комитета. Пригласив главу войти, он обнаружил, что, захлопнув уходя дверь, оставил ключи в доме. Он провёл гостя к двери из сада в кухню. Да, он её не запирает. Брат в доме нечего, входную просто по привычке. Да и случаев ведь не было? Не было, согласился глава комитета. А он, глава, пришёл лично пригласить его, когда ему будет удобно, посмотреть памятник. Пока его не устанавливают, конечно, но он ведь принимал участие в судьбе проекта, так что вот.

Тут в дверь заскреблись. Он не сообразил. Нашёлся глава комитета – собаки вернулись с прогулки. Весьма удивлённый и встревоженный, он, однако, оставил всё это при себе и просто открыл дверь. Большая чинно вошла в кухню, меньшая осталась на пороге, и он принялся стряхивать с неё налипший снег. Глава откланялся, сказав, что сам за собой закроет. Едва входная дверь хлопнула, он уставился на собак. Те молча ушли под стол и улеглись спать, не собираясь ничего объяснять. Дескать, умный, и сам догадается. И он догадался. Видимо, никто здесь особо не проявляет интереса к этим собакам, и они ведут себя на людях тише воды, ниже травы. К чему привлекать к себе внимание, запросто справляясь с закрытой дверью одной левой? А если бы он рассказал про чай, его вообще отрядили бы в деревенские дурачки. Как угодно, подумал он, секрет так секрет. Не его, в конце концов, не ему и решать.

Утро. Ещё совсем рано. Он выходит в сад и останавливается. Осматривается вокруг. Небо укрыто тучами от края до края. Серые, налитые водой тучи гонит ветер. Он глубоко вдыхает этот ветер. В голове проясняется. Ветер несёт сырость, свежесть. По спине пробегают мурашки.

Он должен идти. И он идёт через сад. Идёт к калитке. И выходит на дорогу. Прямо напротив него на дороге сидят собаки. Они ждут его.

Он проснулся раньше обычного и смотрел в потолок, думая о своём сне. В его жизни случались вещи и поважнее, и посложнее, и пострашнее. По-всякому было. Вещи, которым он посвящал гораздо больше и внимания, и времени, и сил. Но они не находили продолжения в снах.

Он спустился в кухню. Не закрытое с вечера окно уже несколько часов пропускало в дом запах прелых осенних листьев. Собаки уже ждали его у стола.

Проводив собак до калитки, он помахал им рукой и сказал:

– В моём сне вы ведёте себя гораздо лучше.

На этих словах большая как-то потупилась, но потом собаки всё равно развернулись и ушли.

Интересно, подумал он. До сих пор они были абсолютно невозмутимы. Даже не раздражались. Даже на него. А тут – на тебе. Интересно.

Весь день он что-то делал по дому, то тут, то там, и весь день вспоминал большую. Она кажется у них главной. Посмотрим. Он решил вечером встретить собак. Так бывало не часто, но сегодня надо было.

Он уже поел и сидел в кухне просто так, читал газету. Дверь открылась, и вошла меньшая. Она помахала ему хвостом, словно ничего не случилось. Большая же, шедшая позади, не торопилась с приветствием. Она вошла и встала у порога, словно вспоминая, взвешивая и принимая какое-то непростое решение. Наконец, видимо, приняв его, она посмотрела на него, сидящего за столом в ожидании, а потом перевела взгляд на меньшую. Той только того и надо было. Они что, подумал он, обсуждали это между собой весь день? Меньшая бросилась к коробку и открыла там ещё один засушенный пучок. Он удивился вслух:

– Я же уже выздоровел, – меньшая всё так же держала в зубах свой букетик. – Или нет? – засомневался он.

Собаки сидели рядом, так решительно настроенные, что он послушно поставил чайник. В данной ситуации, рассудил он, он – пациент. Надо выполнять предписания. Антибиотики, вон, тоже курсами принимают.

Напившись собачьего чая, он вдруг подумал, до чего длинным был заканчивающийся день. Удивительно. Надо бы уже пойти спать. Чуть не заснув в душе, он только дотронулся до подушки, как его словно выключили.

Раннее утро. Раннее и уже вполне весеннее. Он выходит в сад и смотрит по сторонам. Снег тает повсюду. Оставшиеся кое-где сугробы совсем съжились, посерели и стали дырявыми. Ещё так рано и так тихо, что слышно, как тает снег – лопаются пузырьки воздуха в талой воде. Усталый снег с мягким водяным и каким-то стеклянным звуком оседает изнутри. Музыка. Оглушительно. Тучи, гонимые ветром, плывут по небу тёмными клочьями, открывая высокое светлеющее небо. Ветер сырой. Он несёт запахи весны, несёт перемены. Он вдыхает полной грудью, во все лёгкие. В голове сразу становится легко. Он идёт через сад к калитке и выходит на дорожку. Там его уже ждут. Собаки смотрят на него, не отрываясь, а потом, будто подавая ему знак, одновременно поднимают головы вверх и присматриваются к чему-то. Он следует их примеру, поднимает глаза вверх и замирает. Он *видит* ветер. Он видит его движение, видит его *цвет*. Это похоже на то, как если бы вдруг туман засиял. Только гораздо прозрачнее. И бирюза. Удивительно. Видно одновременно и всё остальное, и – ветер. Он так и стоит, задрал голову. Он смотрит на ветер в небе над собой.

Проснувшись, он долго лежал неподвижно. Сон не только продолжился, но и явно сместился во времени. Станный неподвижный сон. Навязчивый и отнимающий покой. Перед глазами стояла бирюза. Увидеть бы её ещё!

Он тихо и медленно спустился в кухню. Раздумчиво сделал завтрак. Не глядя на собак, поставил им тарелки и сел за стол. Какое-то время он просидел, не притрагиваясь к еде, и понял, что собаки тоже не едят. Он посмотрел на них – они смотрели на него. Большая аж вытянулась.

– Да этот сон... – вдруг произнёс он.

Ему почудилось, или большая и вправду кивнула? Так или иначе, все стали есть. Покончив с завтраком, они вышли в сад.

Снег уже всю таял, торопясь и обещая растаять совсем в самом скором времени. Он опять подумал о том, что его сон идёт в ногу со временем. За калиткой собаки остановились и завильяли на прощание хвостами. *Завильяли*. Он некоторое время смотрел им вслед, а потом повернул к дому.

В воздухе сегодня пахло травой. Так что оставаться дома было решительно невозможно. И он выбрал пойти пройтись. Ноги сами привели его. На центральной площади полным ходом шла работа по установке на постаменте необходимых креплений. Он подошёл к главе комитета, который, разумеется, стоял неподалёку, и поздоровался.

Это – крепления, просиял на него глава. Там ребята какую-то хитрость придумали, чтобы нашу красоту никто с камушка в уголок не уволок. Внедряют, с гордостью округлил глаза глава комитета. А он заметил, что надо же, как освещение меняет дело – в первый раз, когда он смотрел постамент, было ведь сильно облачно, и камень показался ему обычным таким камнем, серым. А сегодня солнце, и постамент заиграл – зеленью теперь отдаёт. Глава комитета пристально посмотрел на него и осторожно возразил, что постамент и сегодня, в общем-то, серый. А не играет ли у него ещё что из окружающего зеленью? Скажем, он, глава комитета, или, вон, снег там у забора? Он внимательно оглядел зеленоватого главу с ног до головы и нехотя сознался про снег, который и впрямь был, как мякоть у тех зелёных яблок в его саду. Глава нахмурился и заметил, что не офтальмолог, конечно, но где-то когда-то слышал, что, если в спектре у человека вдруг начинает преобладать какой-то один цвет, это – верный признак каких-то нехороших процессов в глазах. А может быть, даже и в мозге, мрачно добавил глава. Наведался бы он в город от греха. Он покивал головой, нашёл, что всё это логично, логично, и откладывать не стоит. Завтра же и наведается. На том и распрощались.

Всю дорогу домой он присматривался к встречающимся сугробам. Все, как один, имели приятный и ненавязчивый свежий нежно-зелёный оттенок. В принципе, сугробов осталось не так много – если задаться целью, можно и справиться. Но глава? Ему это явно ни к чему, не по чину, да и занятий у него сейчас хватает.

Дома он вышел в сад. Он привычно уже посмотрел по сторонам, поднял глаза на луг и замер. Луг должен был быть белым, снег на нём ещё не весь сошёл. Да и кто станет выкрашивать в зелень луг? Никто. И, тем не менее, луг совершенно явственно белым не был. Да ещё этот травяной ветер. Он вдруг вспомнил бирюзу из сна, задрал голову вверх и, хотя и шурился от солнца, не заметить не смог. Небо было, словно сияющий туман. Только гораздо прозрачнее. И цвета молодой травы. Запах теперь просто бил в нос, а глаза не могли оторваться от потоков сияющей зелени в небе.

Вот, наверное, так люди с ума и сходят, думал он, прилѣбывая кофе в кухне за столом. Ничего как будто бы не предвещает, а потом – бац! – молчаливые собаки, которых никто толком не видел, собачий чай, навязчивые сны, запахи и изменение цветовосприятия. Неутеши-

тельно. Хотя, если так, он может запросто пойти за собаками. Этот вывод единственный пришёл ему в голову, и он взбодрился.

К офтальмологу он, конечно, съездит. Ему там скажут, что скоро понадобятся очки, закапают атропин, посмотрят дно, измерят глазное давление. И пошлют в областной центр, записаться на мрт мозга, очередь на которую подойдёт месяца через два.

А может, это собаки? Он представил себе, как бы глава комитета слушал его рассказ о том, что его собаки ходят каждый день в лес, не разрешают ему ходить с ними да и вообще задумали его отравить, для чего воспользовались его нездоровьем и опоили. Конечно, если у вас паранойя, это ещё не значит, что за вами не следят. Но в версию собак-отравителей он не верил. Это же собаки. Нет, не верил. Но поговорить с ними всё-таки стоит.

Он ждал их не за столом, а у плиты, в углу. Так что, когда они вошли, у него было секундное преимущество, и он увидел, что, первым делом, они бросили взгляд на стол, и, кажется, у них отлегло от сердца, от сердец. Но тут они увидели его и заметно подобрались. Он чуть не рассмеялся, но это действительно было заметно.

– Здравствуйте вам, – начал он.

Собаки переглянулись, подошли к нему и сели слушать.

– Полагаю, уж вы-то в курсе, что всё это значит? У меня три рабочих версии. Версия номер раз. Я схожу с ума, – на этих словах собаки потеряли интерес и стали смотреть по сторонам. – Версия номер два. Вы решили меня отравить, – это собакам интерес вернуло.

Они повернулись к нему с выражением такой обиды на мордах, что ему пришла на ум аналогия с лягушачьей шкуркой. Может, он рано решил её сжечь? Судьба всех Иванов-царевичей, видимо, неизменна в веках – поначалу следует стадия дурака. Он побыстрее перешёл к третьей версии:

– Или вы всё-таки решили, что я осилю то, с чем докучаю вам уже сколько, но меня, вероятно, необходимо... что, инициировать?

Слова ли его им оказались понятны, или они среагировали на интонации, но обе собаки сразу истоиво завиляли хвостами. Меньшая даже залилась звонким лаем, вызвав солидарный отзвон с полки со стеклом. Отлаявшись, она принесла новую порцию растений из коробка.

– Снова на поганках в астрал? – спросил он большую.

Та сидела рядом и выражение морды имела самое врачебное. Доброжелательное, снисходительное и безапелляционное.

– Сколько ещё мне нужно этого выпить? Вы меня подсадить что ли решили?

Большая фыркнула и отвернулась, а меньшая сбегала к коробку, всё в нём демонстративно перерыла и, радостная, вернулась ни с чем.

– Последний раз что ли? – хмыкнул он.

Собаки молча уселись у его ног и ждали чайник. Он заварил, оставил кружку на столе, и все они пока вышли в сад. Там он опустил на корточки, собаки сели по бокам, и все трое смотрели, как закатные краски мешаются с зелёным травяным ветром.

– Зачем вам это? – спросил он просто, будто рассчитывая на внятный и такой же простой ответ.

Большая поднялась и потянула его за рукав. Пора.

3. Ошейники. Памятник. Праздник

Ранним-ранним утром он выходит из дома в сад. Осматривается. Снега в саду не осталось почти совсем. Кругом уже полно намёков на траву. Даже запах стоит особенный. Запах. Едва он обращает на него внимание, он сразу видит, чувствует ветер. Воздух вокруг, и особенно небо, полны сияния. Где едва уловимо, где более ясно сияет бирюза. Вдыхая её, хочется стать бесплотным и унести с нею. Куда угодно. Он проходит через сад, дыша бирюзой во все лёгкие, и видит собак на дорожке. Они его ждут. И ещё – они ждут *его*. Теперь это ему понятно.

Все трое направляются через луг к лесу, который уже окрасился в нежные весенние цвета – серо-сиреневый цвет тонких веток, готовых к новой жизни, и салатный цвет уже вскрывшихся кое-где почек.

Они на удивление быстро доходят до леса, который теперь не кажется ему враждебным. И сам себя он не ощущает больше взломщиком. Ему доверили ключ, это становится ясно. Лес по-прежнему являет собой настоящую свалку деревьев всех видов и возрастов, оскаленного сухостоя, торчащих вверх выкорчеванных падением корней и сухих, хрустящих зарослей прошлогодней крапивы. Но собаки знают фарватер, и он изумляется тому, как правильно, по-звериному чутко выбранный путь ведёт его через окружающие дебри невредимым. Проползая, нагибаясь, перелезая и перепрыгивая, они доходят до, кажется, самого глухого места в лесу. Здесь темно и тесно. Пахнет столетней сыростью, и стоит ватная тишина.

– Куда теперь? – его собственный голос слышится ему так, будто он почти оглох.

Собаки, поблёскивая глазами, смотрят на него и отводят морды чуть в сторону и вверх. Он смотрит туда же. И видит. В окружающей их темени его глаза вдруг различают тонкий, едва видимый поток того самого прозрачного бирюзового сияния, что сплошь омывало их до входа в лес.

Он направляется к потоку, ноги сами собой разбирают дорогу. Кажется, нужно просто видеть и чувствовать ориентир. Теперь уже он ведёт собак. Следуя за потоком, он приводит их к двум огромным соснам, сросшимся у самой земли. Они уходят вверх, словно развилка дорог. Поток втекает в развилку, но с другой стороны не вытекает, пропадая между соснами. Он оглядывается на собак. Большая подталкивает его лбом под колени, и он делает шаг на ту сторону. К его удивлению, он оказывается по ту сторону стволов. Неужели с ним не сработало? Но тут появляются собаки, здесь же, по эту уже сторону.

– Я не понял, – признаётся он.

Собаки вновь показывают мордами на развилку, и он видит вытекающий с этой стороны тонкий прозрачный поток бирюзы. Та сторона, да не та, решает он. Перед развилкой было просто темно, как ночью. Здесь же, теперь замечает он, гораздо светлее. И видно, что впереди, там, куда струится поток, делаясь шире и ярче, там ещё светлее. Видимо, предполагает он, там лес заканчивается. Так и оказывается.

Лес заканчивается так внезапно, что он инстинктивно делает шаг назад. Он оглядывается на собак. Те смотрят вперёд, мимо него. И он поворачивает голову.

Он сидел в кровати и прокручивал в голове детали сна раз за разом, по кругу, стараясь запомнить их утренней головой, чтобы они не истаяли из памяти уже к обеду. Он не помнил, чтобы его что-нибудь разбудило. Поэтому, решил он, сон не прервался, а снова остановился.

Он спустился к собакам. Они завиляли хвостами. Обрадовались. Ему понравилось. Он приготовил их любимые тосты с ореховой пастой с мёдом, снабдил их тарелками, сел сам и, не донеся тост до рта, спросил:

– Что там?

Собаки на мгновение замерли, после чего хруст и чавканье возобновились с удвоенной силой. Не скажут, понял он.

– Вы в курсе? Через месяц на площади открытие памятника. Ветру.

Собаки уже доели и облизывались. Сообщение о памятнике вызвало виляние хвостами. Но им лучше не ходить туда одним, сообразил он.

– Я съезжу в город. Куплю вам ошейники с поводками. Без обид. Чтобы никто вас не заподозрил ни в чём таком.

Собаки снова завиляли хвостами. Согласились.

Он вышел в сад проводить их. Сегодня воздух был прозрачно-белым. Пахло ландышами. Он вспомнил мамины духи.

– Просто сказка, – сказал он тихо. – Как жаль, что это скрыто. Порядок вещей, – он кивнул.

Собаки ушли. И он не сделал попытки пойти с ними. Как-то стало ясно, что это не нужно, что он пойдёт. А когда – им виднее. Всё сразу стало проще и легче. От этого он вдруг понял, что всё идёт так, как и должно идти. Правильно.

Он купил собакам ошейники. Большой – широкий кожаный, коричневый со светлой отстрочкой. А меньшей – тоже кожаный, но узкий, ярко-красный с оранжевой отстрочкой. Ему понравились.

На обратном пути в автобусе он смотрел в окно. Он и раньше, по большей части, предпочитал смотреть в окно, однако сейчас это доставляло ему до того незнакомую радость. Пока он был в городе, он по-настоящему устал. И не только от столпотворения и шума, ему сопутствующего, хотя он всегда старался их избегать. Теперь, когда он видел ветер, он увидел, какого цвета воздух там на самом деле. Воздух там был похож на смешанный в кучу пластилин всех цветов. Не на яркую радугу, а на то, во что всегда превращается куча пластилина через некоторое время – тёмное месиво с цветными разводами. Капля бензина в луже. Красный там был цвета запёкшейся крови. Жёлтый – цвета старого синяка. Ассоциации ему на ум приходили под стать цветам. Ему было трудно здесь.

Когда он выехал обратно, он с таким удовольствием наблюдал в окно, как эти цвета бледнеют, отступают и размываются, словно растворителем, сияющей ландышевой белизной. Возникло ощущение, что это с него самого слезают копоть и гарь. Из автобуса он вышел счастливым человеком. Он набрал полную грудь ландышей и от души разулыбался помахавшему ему от постаментов главе комитета.

Глава довольно покивал. Вот, что значит вовремя послушать совета умного человека и, не откладывая в долгий ящик, показаться специалисту. Он тут же вспомнил, что ведь совсем забыл. Напрочь забыл об окулисте. Главу комитета он расстраивать не стал и поведал ему чудесную историю замечательного своего исцеления. Ему сделали укол спазмолитика. Сказали, был сосудистый спазм. Снова пугали очками и взяли обещание не напрягать глаза и чаще бывать на свежем воздухе, вот хотя бы в городском парке. Такие рекомендации ему здесь уже давали, даже придумывать не пришлось. У главы комитета глаза полезли на лоб. Какой парк?! Что они там понимают о свежем воздухе?! Они думают, это то, что лезет им в форточки?! Да-да, он согласно покивал. Да здесь в запертом году погребе свежего воздуха больше, чем во всём их парке! Поддерживаемый его солидарными междометиями, глава с удовольствием горячился. Как следует пройдясь по городскому воздуху, глава пригласил его полюбоваться креплениями на постаменте.

Камень сегодня вёл себя приличнее, зеленью не отдавал. Но был недвусмысленно белёс. Он улыбнулся сам себе. Вот, глава отечески похлопал валун, почти половина! В валуне появились аккуратные отверстия, почти в половине из которых уже красовались блестящие металлические, он затруднился с определением, ну, скажем, да, крепления. Это совершенно, это

абсолютно надёжная штука. Мне показали. Там вон такая резьба хитрая, а ключи будут у ребят и в комитете. Ни одним другим ни по чём не открыть. Тут вот всё вставляется в такие пазы, защёлкивается, а потом вот так и вот так, видите? Он согласно кивал. Выглядело вполне прилично. Можете зачёркивать дни в календаре, всхохотнул глава счастливо, одиннадцатое мая близко, оглянуться не успеем!

Он вернулся домой ещё до собак. Распахнул окно в кухне и включил радио, обычно молчавшее. Собираясь пощёлкать настройкой, он, однако, этого не сделал. Из колонки полились такие сладкие фортепианные пассажи, похожие на брызги ручья под солнцем, что у него не поднялась рука сменить волну на какую-нибудь эстрадную пластиковую кашу. В джазе он не разбирался, хотя угадывал его, в общем, но это совершенно точно было то, что ему сейчас было нужно. Ведущий сообщил ему, что это Джин Харрис. Он пожал плечами.

Он положил ошейники на столе в кухне, чтобы показать собакам, и стал ждать.

Небо постепенно меняло свой цвет от светлой апрельской лазури к насыщенному кобальту. Но сияние, плывущая сияющая белоснежная дымка никуда не делась. Это было завораживающе. Он вышел в сад и смотрел, смотрел.

Собаки звякнули калиткой и, завывая ему приветливо хвостами, вошли в открытую им дверь. Ошейники были обнаружены сразу. Он подошёл к столу вслед за собаками, сел на стул и с виноватой улыбкой спросил:

– Примерите?

Большая подошла и ткнула носом в коричневый.

– Я так и думал, – он застегнул на ней ошейник, подогнав по размеру. – Это, чтобы посмотреть памятник, – он извинялся. – Тебе идёт. Ну, то есть, я хочу сказать... Он красивый, я выбирал.

Он замялся. Никак не вязались у него вместе эти собаки и – ошейники. Но большая помахала хвостом, и у него от сердца отлегло. И тут же его брови поползли вверх – большая продефилировала в коридор в сопровождении подпрыгивающей рядом меньшей.

Они вообще никогда не выходили из кухни, они в ней жили. Только раз, на его памяти, они прошли дальше в дом – когда он заболел. А теперь? Он встал и пошёл за ними. Выйдя в коридор, он расплылся в улыбке – большая смотрела на себя в большое, в рост, зеркало, усевшись перед ним на пол, словно собиралась провести так с полчаса, не меньше. Меньшая переводила взгляд с морды большей на ошейник, на отражение, снова на ошейник и переминалась с лапы на лапу в нетерпении. Когда большая дала добро, стукнув пару раз хвостом о пол, меньшая сорвалась с места и помчалась обратно в кухню, твякая и подгоняя его. Он уже, не скрываясь, посмеивался. Теперь обе собаки сидели рядом перед зеркалом и изучали свои отражения.

Вообще, вспомнил он, где-то когда-то он то ли слышал, то ли читал, что животные себя в зеркале не осознают. Они думают, там за стеклом кто угодно, только не они. У него тут была другая картина.

Ну и славно, подумал он. Значит пришлись по вкусу. Теперь можно и к памятнику. Днём на торжественное открытие он пойдёт один. А вечером, когда они вернутся, они пойдут вместе. Народ соберётся позже, наверное. Местные масштабы позволяли праздновать пунктиром – уходить домой и возвращаться снова. Поэтому после дневных мероприятий и перед вечерними он предполагал паузу.

Насколько он знал от главы комитета, в этом году на вечер кроме фейерверка были запланированы ещё и танцы. Потому что впереди воскресенье. У них в деревне было не так, как обычно проходило с празднованиями подобных дней в населённых пунктах, где он бывал. День рождения деревни был в мае, а не в каком-нибудь сентябре, по завершении летней страды. И это были не «первые выходные», не вторые, а одиннадцатое число. Деревня была совсем

не древняя, и дата основания была известна точная, о чём свидетельствовала мемориальная плита на центральной площади.

Основали её вольноотпущенные. Шли, шли из своей прежней деревни несколько отпущенных неким барином по случаю рождения долгожданного ребёнка семей. Шли, шли и пришли. Почему они остались именно здесь, он ещё не успел заинтересоваться. Но, в принципе, почему бы и нет. Он ведь тоже, сам себя отпустив, ехал, ехал и приехал. И выбрал, и осел. И никуда отсюда не уедет. Наверное, им тоже пришлось по душе эта чехарда с ветрами. И те, и эти жители деревни сходились в одном – место, где расположилась их деревня, уникально. И не только ветром. Но и тем, что оно, это место, с этой его особенностью, странным образом не шло в голову тем, кому не надо бы. Оно само выбирало, кого интересовать. Это было необъяснимо, однако, так оно и было, всё время от самого начала. Иначе как минимум от деревни давним давно камня на камне бы уже не осталось.

Сон его с переходом через лес повторялся ещё дважды, каждый раз делая погоду во сне всё теплее. Повторялся сон ровно до того момента, где он поворачивает голову посмотреть туда, куда смотрят собаки. Продолжения не было. Так же, как и на яву не было такого ветра, как во сне. Ни разу он пока не видел такой бирюзы. Один раз было что-то похожее, когда пахло розмарином, но оттенок был не тот.

Он ждал. А пока просто наслаждался каждым днём. Было интересно и, по большей части, приятно. Как-то был день нежно-оранжевого цвета, цвета закатного неба, пахло бергамотом. Он даже съездил в город и купил себе чая с бергамотом. Вдохновился. Раз ветер принёс с собой какой-то перламутровый беж и запах кофе с корицей. А ещё была камфора. Жители деревни, как это часто случалось, разделились. Ему камфора нравилась. Она была какого-то неопределённого серо-зелёного цвета, тоже, в общем, приятного. Но ему нужна была бирюза из сна.

Скоро снег растаял совсем. В саду на деревьях появились маленькие листочки. Это хорошо, думал он, что раньше грозы. Грозу он любил. Но откуда-то, наверное, ещё с детства, может, от бабушки, он знал, что, если первая в году гроза случается, когда деревья ещё голые, это плохо. Неурожай будет что ли. В чём там дело, он толком не помнил, но в примету почему-то верил. У него и огорода никогда не было, даже сейчас, когда появился дом. Но каждую весну, а последние две – особенно, он пристально следил за первыми почками и испытывал настоящее облегчение, если листва опережала первую грозу, и очень расстраивался, когда случалось наоборот. Всю свою жизнь каждую весну он или радовался, или сокрушался по этому поводу.

А ещё в его саду начинали расцветать разные весенние цветы. Они росли тут и до него, посаженные, видимо, прежними хозяевами. Названий он не знал и ухаживать особо не умел, но старательно следил за влажностью, поливая или отводит лишнюю воду при необходимости, убирал сухие стебли и листья и вырывал сорняки. Этим он, по большей части, и занимался, не торопясь, в тёплое время года.

Был вечер. И без того зачаровывающее персиково-сизое небо совершенно непередаваемо оттенялось мерцающей бледной зеленью. Запах сада мешался с яблочным ветром.

Интересно, как видят ветер собаки? Он где-то читал, что собаки видят мир не в чёрно-белых красках и бесчисленном множестве серых тонов, как долго думали, а просто по-другому, нежели люди. Он-то сам, если бы не собаки, вообще бы ничего не увидел. А они? С самого начала видят? А с какого такого начала? Он сбил с толку сам себя и пошёл в дом.

Но мысли его всё равно крутились вокруг собак. Они жили только в кухне, пили воду и ели с ним только завтрак. Он купил им ошейники, но только как маск-халаты, очки с носами. И каждый раз он оценивал – повиляли они ему хвостами или только помахали. И он бы съел эти ошейники, если это одно и то же. Не одно.

Этот дом был его. По крайней мере, по документам. Сад был его. Мебель. Радио, телевизор, вещи всякие. Холодильник и счета. Садовый инвентарь. Кефирный грибок, подаренный ему главой комитета с подробной инструкцией на новоселье, был его. Ошейники эти были его. А собаки – нет. И почему-то его это радовало.

Было около четырёх, когда он проснулся. Он встал, натянул штаны, босиком спустился в кухню, накинул куртку и в галошах вышел в сад. Собаки, если и проснулись, виду не подали. Яблочный ветер уже слабел, зелени почти не осталось. Вот и последние ноты вчерашнего дня иссякли. Установилось несколько минут абсолютного безветрия, полной тишины. Он смотрел на замершие деревья, на ночное небо за чёрным лесом. Вот-вот задует новый ветер. Вот его щеки уже коснулось первое лёгкое дуновение. Ветер совсем скоро усилится, а это было, словно лёгкое прикосновение пальцев невесомой и нежной руки. Он почувствовал запах тополей, их клейких первых листочков. И вот глаза его стали различать вокруг тончайшую золотистую вуаль, которая будет сопровождать его весь день, куда бы он ни кинул взгляд. На секунду он испытал разочарование. Но вокруг было так красиво, что на дольше это чувство не осталось и растаяло в прозрачной золотой карамели.

Сна не было ни в одном глазу. Стараясь не шуметь, он вынес из кухни стул и остался в саду смотреть, как меняется небо, теряя ночную тьму и набираясь золота. Через какое-то время дверная ручка уехала вниз, и в открывшуюся дверь вышли собаки. Они постояли рядом с ним пару минут, глядя вверх и водя носами, а потом сели рядом. Он в недоумении переводил взгляд с одной на другую, а потом сообразил, что уже давно светло, и им пора завтракать. Деликатно, но настойчиво, кивнул он.

Они поели, поблагодарили и пошли из кухни. Он двинулся следом, повторяя ежеутренний молчаливый ритуал. Теперь, когда он оставил попытки штурма их непреклонного нежелания брать его с собой, между ними установилось что-то вроде договорённости. Негласной и на не определённых условиях. Но всё-таки. Проводив собак, хвосты определённо виляли, он ушёл досыпать.

Рано. Ещё совсем рано. Он встаёт с постели, одевается и спускается вниз. Выходит в сад. Осматривается кругом. Вокруг него проносятся последние секунды хозяйственного мыла вчерашнего ветра. Вот и безветрие. Он остаётся у двери. Он ждёт, как теперь часто ждёт здесь в районе четырёх утра. Вот и первое дуновение. Сырое. Сырое и свежее. Вкусное. Волны мурашек накатывают на него, покалывает щёки и пальцы. Он напряжённо всматривается в ещё тёмное небо и вдруг замечает бирюзовые искры. Это он, это его ветер! Он набирает его полные лёгкие. У него зудят лопатки и мгновенно проясняется в голове. Он готов бежать. Лететь! Он идёт через свой сад, идёт к калитке. Он знает – они уже там и ждут его. Так и есть. Он с удивлением замечает, что большая в ошейнике. Он хочет снять его, но она отводит морду. Маленькая начинает прыгать вокруг и просительно тявкать. Большая смотрит на неё, на него, потом снова на неё и пару раз разрешающе стучает хвостом по утоптанному грунту дорожки. Маленькая стрелой уносится в дом и, вернувшись со своим ярко-красным ошейником, начинает прыгать вокруг него. Он смеётся и надевает ошейник и ей.

Они отправляются через луг. В лес. В лесу совсем темно, идти трудно. Это даже нельзя назвать ходьбой, строго говоря. Это полоса препятствий. И постоянные ветки в лицо. В конце концов они забредают в такую глушь, что, кажется, дальше хода нет уже даже собакам. Они останавливаются, и тогда он замечает свой путеводный поток бирюзы. Тонкую и лёгкую сияющую нить. Идя вслед за ней, они доходят до двух сосен, сросшихся у земли и уходящих далеко в небо развилкой. Он, как и раньше, проходит её первым. Собаки за ним. По ту сторону светлее и гораздо. Перед ними выход из леса. Лес заканчивается так вдруг, что он снова пятится, оглядываясь назад, словно желая удостовериться в том, что лес на месте. И снова он замечает,

что собаки неотрывно смотрят перед собой. Он поворачивается спиной к лесу. И наконец он видит. Он видит то, что приковывает к себе взгляды собак.

Он видит. Хотя не понимает пока, что именно. Они вышли из леса и стоят перед грунтовой дорожкой, такой же, как на краю деревни, за его садом. Дорожка уходит и вправо, и влево, на сколько хватает глаз. А по ту сторону дорожки расстилается огромное поле.

Он проснулся, просто открыв глаза в стену. Закрыв их обратно, он перевернулся на спину и вытянулся. Продолжение. Он следил за этим сном, как за сюжетом фильма. Разница была только в том, что тут главный герой – он. Вдруг посреди накрывшего его от того, что сон продолжился, покоя в его голову потянулись вопросы, как бельё на верёвке от дома до дома. Каким образом большая оказалась в ошейнике? Станный, в общем-то, вопрос. Обстоятельства дня накануне ведь не затрагиваются. Может, она уже была в нём. Она же красовалась перед зеркалом, когда надела его впервые. Может, забыла снять на ночь. Ладно. Оставим это на совести дня накануне. Но меньшая провернула свой фокус буквально у них на глазах. Ну, не на глазах, иначе он бы не задавался этим вопросом. Как она умудрилась сама войти и выйти, когда бегала за своим ошейником? Она ведь всегда ждёт, что большая ей поможет. А может, не поможет. Может, он не вполне разобрался в их субординации. В голове молча повисло удивление. Посреди которого вдруг появилась свежая простыня – четыре утра?! На кой? Ни в одном сне до этого не было меняющегося ветра, все они начинались уже утром. Пусть и совсем ранним, но ведь не в четыре. Собакам, конечно, виднее, во сколько выходить, но они ведь и не выходят во столько. Зато понятно, какой ветер будет накануне. Ветер хозяйственного мыла. Пока он здесь жил, ему ещё не довелось пережить сутки хозяйственного мыла. Запах из сна был запахом хозяйственного магазина его детства. Он даже помнил, как до него идти от дома бабушки. За дом, через дорогу, мимо киоска с мороженым, обклеенного бумажными кружочками-крышечками от пломбира и розового фруктового в вафельных стаканчиках, мимо молочного, немного ещё прямо и на первом этаже жёлтого трёхэтажного жилого дома по левую руку, откуда, кстати, уже рукой подать и до дома крестной его матери. Да, мимо гаражей, мимо летней сцены... Вот, значит, какой ветер будет накануне. Интересно. А может, и четыре утра за этим.

Оставалась неделя до праздника. Он решил воспользоваться любезным приглашением главы инициативного комитета и взглянуть на памятник до официального открытия. От его дома до центральной площади деревни ходу было минут пятнадцать, если не спешить. И он не спешил. Четверть часа он наслаждался золотистым тополиным ветром. Выходному дню это золото придавало особенно нарядный вид, пусть и видел это он один.

Постамент был укрыт от глаз всё той же плащ-палаткой. На площади никого не было, и он подошёл посмотреть. Серый валун с золотой искрой гордо засиял полным набором креплений, как только он приподнял брезент. Просто высший класс, прокричал ему вместо приветствия глава комитета, спешащий к ним с постаментом от кафе, как муха на мёд. Он согласился и добавил, что просто не мог пройти мимо, не посмотрев на итог работы. А шёл как раз в кафе, как раз к главе. Если он, глава, не занят, можно ли взглянуть на памятник в пока ещё камерной обстановке? Глава просиял, как постамент с креплениями на солнце, и понимающе закивал. Да, да, его правда, всё так. Открытие необходимо, такова ведь задумка, весь проект в этом. Но там, где есть плюсы, не обойтись и без минусов. Так что сейчас самое время, чтобы без суеты. Пойдёмте. Правда, и сейчас среди сплошных плюсов тоже будет свой минус – он сейчас в подсобке кафе, а там ещё не починили свет. Увы, да, ещё нет. Но там есть окно, правда, высокогато, но всё-таки.

Подсобкой кафе служила боковая пристройка. Они вошли, и глава запер за ними дверь, со значением покивав. Внутри действительно не было света, но было окно под потолком, давав-

шее возможность увидеть, но не рассмотреть. Ну, для этого у него будет день открытия. Вечер точно.

Памятник стоял на столе под белой тканью. Не иначе как праздничная скатерть из дома главы, подумал он. Он встал у стола, вежливо дожидаясь, пока глава комитета самолично откроет его взору своё детище.

Когда ткань сползла, он на мгновение не поверил своим глазам.

– Да, да, мы, если честно, не стали это увязывать в городе. Ну какое им дело до такой, по их меркам, мелочи, если подумать? По факту уже потом скажут что-нибудь максимум, и всё. А, всего скорее, даже и не скажут.

Все части, все детали памятника были покрыты какой-то прозрачной глазурью, в которой, в зависимости от угла зрения, то тут, то там, словно нехотя, словно спросонья в этом окружающем их сумраке, вспыхивали бирюзовые искры.

– Вот так сюрприз, – ошеломлённо проговорил он, скорее, самому себе.

– Как вам? – глава комитета несколько беспокойно крутил в руках ключ от двери подсобки.

– Нет слов, – он обошёл стол кругом.

Глава, успокаиваясь, хохотнул.

– А чья идея?

– А это мы сообща с ребятами. Мозговым штурмом, так сказать, – глава снова сиял.

– А почему именно этот цвет? – поинтересовался он, проведя рукой по гладкой металлической поверхности.

Глава комитета недоумённо перевёл на него взгляд. «Как почему? А какой?» – буквально читалось у него на лбу. Вслух он ничего не сказал, только что-то промычал и пожал плечами.

На прощание глава комитета взял с него торжественное обещание быть на открытии одиннадцатого числа.

Собакам понравится, решил он.

Когда вечером они вернулись, он ждал их за книгой. Он улыбнулся им из-за стола, и они сели.

– Я его видел, – меньшая застучала хвостом по полу. – Да. Думаю, вы одобрите.

На следующий день, прогуливаясь до магазина, он увидел, что вокруг постамента уже возводят леса, чтобы за ними, как за ширмой, приступить к установке памятника.

Укрывной материал для лесов взяли напрокат у строителей в городе, поделился глава комитета. Будет настоящий сюрприз для всех.

После обеда зарядил дождь. Козырёк над его дверью в сад был отличный, он сидел под ним на стуле из кухни и пил кофе.

Он часто думал о том, как теперь изменилась его жизнь. Масса нюансов, замечаемых им до сих пор. Они приходили в голову обычно сами собой и неожиданно. Вот дождь. Если не касаться детства, а брать сознательный возраст, то дождь означал лужи, мокрую обувь, плохую видимость и все вытекающие, мокрую землю, тоже со всеми сопутствующими. Что ещё? Ну, ещё капюшон, возможно, зонт, желание влезть в транспорт, а лучше – зайти куда-нибудь. Так было тогда. А теперь? Теперь дождь для него стал поводом выйти из дома. Или, на худой конец, открыть окно. Хотя бы ненадолго. Смотреть, слушать, дышать. Образ жизни и, главное, место, подумал он.

Кроме своих извечных запахов мокрого сада, травы и деревьев, цветов, прибитой пыли и земли, сегодняшний дождь, сквозь который ветер пробирался медленнее обычного, тонко, но совершенно отчётливо пах гвоздикой. Ему на ум приходили острые карамельки с гвоздикой

и корицей, которые он пробовал где-то и когда-то. Обстоятельства стёрлись в общем калейдоскопе, но вкус он помнил.

Он сидел, пил кофе и водил носом, вспоминая собак. Создававшийся сложносочинённый аромат вокруг него делал это его времяпрепровождение почти занятием, пришлось ему в голову.

Дождь шёл до самого вечера. Он подумал, что сегодня вряд ли начали установку. Скорее всего, доделали леса и всё.

Дождь не прекращался и ночью. Он снова встал около четырёх. С тех пор, как он тут поселился, он иногда просыпался в это время, чтобы встретить новый ветер. Само так повелось. С тех пор, как он тут поселился, он вообще ни разу не вставал по будильнику. Это было настолько приятно осознавать после стольких лет и стольких звонков, что он не уставал радоваться по этому поводу.

Он встал и, пройдя потише через кухню со спящими собаками, вышел из дома. В саду шумел дождь. Монотонно и размеренно, словно алтарник за часами. Было совсем темно из-за туч. Ветра заметно не было, гвоздика висела в мокром воздухе, будто сама по себе, почти уже смытая дождём. И в какой-то момент дождь смыл и последнее. Он поёжился и стал ждать. Ветер нового дня явился едва заметно, как и вчерашний, окрасив окружающий дождь прозрачным тёмно-пурпурным сиянием. Складывалось такое ощущение, что сам ветер прибывает дождём к земле. Он просто принёс с собой цвет. Цвет и запах. Кожаных развалов на большом рынке. Что-то приятное было и в этом аромате, но он был чересчур назойлив, чтобы радоваться ему долго. Он вернулся в дом, думая о том, что, продлись дождь ещё пару дней, и установщики могут не успеть в срок.

Когда он встал утром, запах кожаных изделий уже явственно ощущался в доме. Спустившись в кухню, он нашёл там не особенно довольных собак. Если и у него этот запах уже минут через пять вызывал желание сунуть свой нос в банку с кофе на весь оставшийся день, то собакам, наверное, приходилось ещё туже, предположил он. Чтобы как-то их взбодрить, он разделил между ними оставшуюся ореховую пасту, намазав её щедрым слоем на тосты из коричневой сдобы. Свои он съел без ничего.

К утру дождь уже перестал, и дверь из кухни открылась напрямиком в туман. Он был такой густой, что, казалось, ему было тесно снаружи, и он вползает в открытую дверь. Заволокло весь сад, так что дорожка была едва различима, а ветки деревьев появлялись из ниоткуда у самого лица. Но собакам было ни по чём. Они вышли из калитки, вильнули хвостами и исчезли в отдающем пурпуром молоке над лугом. Он почти не сбился с пути, возвращаясь в дом.

Поскольку сегодняшней ветер уже хозяйничал в доме, было практически всё равно – что в доме, что в саду. Он сварил себе ещё кофе и вышел посмотреть, как тает туман.

Было светло и, наверное, пасмурно. Он сидел на стуле и представлял себе, как две собаки, большая палевая и маленькая рыжая с белым, идут, не сбиваясь ни на сантиметр, сквозь туман там, на лугу. Или они уже у леса? А в лесу так же бело? Там ещё и темнее. И так-то трудно продвигаться, а если ещё и не видно ничего, то совсем. Но туман-то тут не первый? На его памяти были пару раз. Правда, не такие плотные. Сколько же они всё-таки уже ходят туда? И клещи. Странное дело. Постепенно... Да, кажется, первый раз был тогда, когда выпал первый его снег здесь. Он стал вечер за вечером внедрять свой нехитрый план по сохранению относительной сухости в кухне. Он стал ждать собак вечерами и пытаться отряхивать их от снега, который они приносили с собой. Они ведь, как два вездехода, пробирались по заснеженному лугу дважды в день. Не мёрзли – хоть это хорошо, хотя и не укладывалось у него в голове. Словом, он мало-помалу утвердил в их головах это правило. Они приходят в снегу – он отряхивает их на пороге. И ещё он тогда положил им под стол толстый шерстяной коврик, который специально купил у старушки в городе. Вот против этого они не выступали.

Так о чём он? Кофе остыл. Туман значительно поредел. Да, странное дело. После этого опыта в снег, весной он стал снова приставать к ним – с клещами. Точнее, с осмотрами на предмет клещей. Они ведь, по его разумению, просто обязаны были насобирать на себя всех местных клещей от дома до... обратно дома. Луг – лес – луг ежедневно. Собаки упорствовали, не понимая. Но он был встревожен, красноречив, и, скорее всего, они оценили интонации. А ещё скорее, он им с этим смертельно надоел, и они уступили. Уступили раз. Уступили два, три, четыре. Больше не дались. Но он и сам перестал. Ни единого. Хорошо, но странно. Странно, но хорошо. Ладно.

Туман рассеялся к обеду, и он пошёл прогуляться до магазина, а заодно и посмотреть на установку памятника. Удалось ему посмотреть, разумеется, лишь на леса, занавешенные материалом с какими-то стрелчатыми окнами, нарисованными чёрным по жёлтому. Глава комитета, как орёл, кружил окрест, всем желающим давая пояснения, сколь пространные, столь и туманные, как нынешнее утро. Он поздоровался и рассказал об опасениях, посещавших его в связи с дождём. Глава поулыбался, польщённый его вниманием, но тут же признался, что работы там не так чтобы много. Крепления они установили загодя. Так что теперь подогнать, по большому счёту. Он не очень понимал, как это, но сказал, что раз так, он спокоен. Всё будет готово к пятнице, сообщил глава. Будут приготовления к празднику на площади и, разумеется, караул, чтоб никто ни-ни, ни боже мой.

На все оставшиеся до праздника дни установилась хорошая погода, так что все приготовления ко Дню деревни, как и торжественное возложение цветов к обелиску в честь Великой Победы, прошли прекрасно.

Одиннадцатого мая, проведив собак и поковырявшись с сорняками в кочках со смешными розовыми цветочками, он отправился на центральную площадь.

Он подошёл во время выступления местных талантов, за ним и было назначено открытие памятника. Фотокорреспондент районной газеты запечатлел награждение ценными подарками мальчика-аккордеониста и исполнительницу романсов и бардовской песни. После этого инициативный комитет переместился к монументу. Лесов, конечно, уже не было, и весь памятник вместе с постаментом был укрыт алым полотном. Эффектно, покивал он и помахал глянувшему на него заговорщически главе инициативного комитета.

Глава произнёс речь, в которой кратко напомнил всем историю проекта и поблагодарил всех, кто помогал, способствовал, содействовал и вносил посильный вклад. И затем алая волна взмыла в воздух. Все на мгновение замерли, кто-то ахнул. Открывшееся было чудом. У него даже мурашки побежали, хотя он его уже видел. Но одно дело было – смотреть на памятник, стоящий на столе среди стеллажей, пакетов и коробок в полутёмной каморке. И совсем другое – видеть его вот так, посреди площади, на постаменте, играющим бирюзовыми искрами в солнечном свете. Секунда полной тишины была сметена рукоплесканиями и радостным возбуждённым гомоном одновременно всех собравшихся. Обещанные главой газетчики пощёлкивали своими камерами и поспешили к главе и мастерам. Жители обступили новое украшение своей деревни. Под впечатлением были все. Открытие удалось.

Через некоторое время ему удалось подойти к памятнику. Он хотел рассмотреть его при дневном свете. В прошлый раз он, поражённый цветом, на многое не обратил внимания. Теперь ему стало понятно и количество креплений, и их расположение. Нижняя часть, крепившаяся непосредственно к камню, представляла собой сплошную металлическую россыпь листьев, кленовых вертолётиков, цветов, шишек, травы. Из-под одного почти настоящего кленового листа выглядывал металлический бумажный самолётик. Там были жёлуди, маленькие веточки, опавшие каштаны. И кем-то оброненный тонкий, может быть, шёлковый, шарф. И всё это взметал порыв ветра, пойманный, как на фотографии. Да, признал он, парни что надо. Для того, чтобы уметь увидеть это самим и суметь показать это другим, это надо, прежде всего, иметь

в душе. Новость в газете позабудется, в этом он был уверен. Но они получили здесь свой билет дальше. В этом он тоже не сомневался.

Он стоял и смотрел, как сегодняшний ветер, принесший мёд цветущего донника в деревню, один из прототипов этого творения, сияя бело-жёлтыми искрами, повторяет движение запечатлённого в металле порыва, как скользит по металлическому шёлку шарфа и пытается унести с собой ввысь металлические листья и самолётик. Эта игра не прекращалась ни на минуту с того момента, как было сдёрнуто алое полотно. И он время от времени улыбался при мысли о том, что местные жители озаботились и своими силами, руками своих художников, сами того не ведая, сделали для ветра настоящую площадку для игр. Собакам понравится.

Он подошёл на минуту к главе инициативного комитета, принимавшему активное участие в начавшихся весёлых стартах, от души поздравил, пообещал на днях зайти в кафе и ушёл домой ждать собак.

Начало вечереть. Он приготовил их ошейники и поводки и вышел в сад. Пообщаться с природой. Это стало его развлечением, его отдыхом, его трудом и ежедневной потребностью. Никогда прежде он не думал, что так будет. Но, надо признать, он вообще не думал, как оно там будет. Может быть, во многом именно поэтому он и был так рад, что всё получилось именно так. Не было никаких черновиков и первоисточников. Всё было от себя и сразу набело. Так лучше.

Собаки звякнули калиткой немного раньше обычного и, вопреки своей неизменной степенности, бодро потрусили по дорожке к дому. Там он их экипировал согласно основам конспирации, и они, теперь уже чинно и благообразно, двинулись по деревне. Никакого повышенного внимания к себе они не почувствовали. Это было приятно. Молча они дошли до площади и направились напрямиком к памятнику. На площади были в разгаре приготовления к танцам. У памятника стояли лишь две старушки, которые, впрочем, были увлечены беседой и на вновь прибывших особого внимания не обратили. Но вскоре и они отошли. Никому не было дела. Хорошо.

– Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса, – церемонно вполголоса произнёс он.

С ним на другом конце поводков, собаки обошли кругом, выбрали ракурс и уселись на мостовую площади – созерцать. Всё это время он старался выглядеть со стороны инициатором происходящего и, вместе с тем, наблюдал за их реакцией. Кажется, они были довольны. И мыслью, и воплощением. И он был рад, что их ожидания не обмануты.

Они провели у памятника минут двадцать, а потом, удовлетворив своё чувство прекрасного, под грянувшие наконец танцы отбыли домой таким же макаром, каким прибыли. Дома он, первым делом, снял с них упряжь и хотел закинуть её куда-нибудь подальше, с глаз долой. Однако меньшая расторопно утащила всё это добро в свой коробок на этажерке. Однако, подумал он. Но, по сути, это же было куплено для них – им и распоряжаться, он не стал возражать. Вместо этого все мирно разошлись по постелям.

Рано. Он встаёт, одевается и спускается в пустую тихую кухню. Выходит в сад. Осматривается по сторонам, смотрит на свои цветы, на деревья и в который раз думает о том, что здесь нужна скамья. Но что-то не пускает его углубиться в домашние хозяйственные заботы. И это совсем не ранний час. Нет. Он прислушивается к себе. И понимает. Это ветер. Это он позвал его из дома. Запах ветра, свежий, сырой, будит всё это утро.

Всё это в секунду проносится в его сознании, и он поднимает глаза. И замечает ветер. Его цвет. Цвет бирюзы. Тончайшая сияющая бирюзовая дымка, летящая по небу, по саду, повсюду. Он вдыхает этот ветер полной грудью, от чего расправляются плечи, желая расправиться и дальше, в крылья. В лопатках беспокойно. В голове проясняется. Ему становится так легко, что он вдруг понимает – пора, это за ним. И он идёт через сад. Идёт к калитке

и выходит на грунтовую дорожку. Он ничуть не удивляется – собаки уже тут и ждут его. Его. Они отправляются через луг. Луг пахнет ранним утром. Это совершенно особый запах. Уже не ночи, но ещё совсем не дня.

Они доходят до леса и вступают на его территорию. Теперь он чувствует себя в этом лесу спокойно, у него нет больше ощущения инородности. Но проще в лесу не стало. Они пробиваются по одним собакам ведомой тропе, постоянно что-то обходя, через что-то перебираясь, цепляясь за что-то и обирая паутину с лица. Все эти пируэты, пасы и прыжки напоминают ему какой-то ритуальный танец. Танец дождя. Точнее, ветра.

Постепенно они забираются в такую глушь, в такую темень и тесноту, что кажется, и собакам дальше не пролезть. И тогда он опять замечает его – свой путеводный ветер. Поток бирюзы едва различимо струится мимо них вперёд. И он идёт. Они следуют за ветром до высоченных сосен. Двух корабельных сосен, сросшихся у основания, у земли. Они напоминают ему развилку дорог. Бирюзовый поток втекает в развилку, и он следует туда же. За ним перебираются собаки. Ветер ведёт их дальше вперёд. Там сильно светлее, видимо, они уже на выходе из леса. Так и есть.

Они выходят из леса. Выходят как-то вдруг. Лес так внезапно заканчивается, что кажется, будто он отступил. В буквальном смысле, сделал шаг назад. Они – вперёд, а лес – назад, отчего всё получается вдвое быстрее. Эти мысли крутятся у него в голове, которой он крутит по сторонам. Он оборачивается и смотрит на лес. Полоса тянется влево и вправо, кажется, бесконечно. Он замечает то место, где они вышли – там из леса струится его путеводная бирюза. Она ширится, набирая на воле цвет и сияя уже совсем не так, как в лесу. И ещё он замечает вдали, далеко-далеко, и другие цветные реки. Все они поднимаются выше, где вливаются в общее многоцветное сияние, наполняющее небо над ними. Он замечает, что ветер дует вперёд, в поле. И там, впереди, из-за этого сияния уже не разобрать ничего. Но им как раз туда.

Он проснулся. Значит вот куда им. Не в лес. Через лес. И дальше в поле, с ветром. Тем лучше.

Он спустился к собакам, сделал завтрак, поставил им тарелки и сел сам. А перед глазами всё стояло небо из сна. Словами бы он это не передал, даже если бы видел смысл в обсуждении своего сна с собаками. Такое сияние. Такое многоцветье. Нет, это надо видеть. Жаль, нельзя поделиться картинкой в своей голове.

4. Заметка. Волжанки. Скамейка. Сосновая шишка и мыло

Как и обещал, во вторник он зашёл к главе инициативного комитета, найдя его, разумеется, в кафе, на сей раз в одиночестве.

Ещё раз поздравив главу с открытием памятника, он поинтересовался статьёй в газете. Будет завтра, в среду, так сказали. Редакция под впечатлением. Ребят уже пригласили сотрудничать с районным краеведческим музеем. Но это семечки, он не считает? Он согласился. Но вполне неплохо для начала. Они же на досуге у себя там мастерят, всё на свои, для себя, на полку и ставят. Так что на небольшую выставку наберётся. Это надо показывать. Настоящие художники. Без образования, но по существу, в душе, это важнее. Всё так, всё так, покивал он, но... Он взглянул на главу, нахмурившись. Что, если после этой статьи сюда хлынет толпа любопытствующих? О, глава протестующе замахал на него руками, пусть даже не переживает по этому поводу. Да, возможно, в течение месяца или двух здесь побывает человек пять. Ну хорошо, хорошо. Шесть. Не больше. Таково это место, он понимает? Глава комитета поднял одну бровь и развёл руками. Да, он понимал. Странно это и необъяснимо, но так. И ведь это не для кого-то там сделано, по большому счёту. Показать – да, показали. Но, вообще-то, для себя, можно сказать. Да что там. Для ветра, можно сказать, вот что. Выразить ему общую признательность ведь невозможно. Ну, не жертвы же приносить, правильно? Но как-то своё отношение выразить ведь нужно, сообразно как-то. Как бы глупо это ни звучало. На последних словах глава комитета изучающе покосился на него. И он заметил, что нет, несколько это не глупо. Вообще-то, он согласен. Глава утвердительно кивнул и повторил, что причин для беспокойства нет, бури заметка не вызовет, максимум еле заметную рябь. Он не почувствует, заверил его глава и на прощание с чувством удовлетворения от вновь подтверждённого единomyшленничества потряс ему руку.

Сегодня ему нужно было в город. Он в последнее время разлюбил там бывать совсем. Тамошний воздух стал для него очками. Мутными, в пальцах, с посечёнными стёклами, одно из которых к тому же треснуло паучком, и с резиночкой на затылке. Их не получалось смахнуть, и от них скоро начинала болеть голова. Но съездить было надо. Снять денег на житьё-бытьё и ещё сходить в «Цветы» на станции. Это как-то примирило его с сегодняшней поездкой.

Цветов в саду ему хватало, но прежние хозяева почему-то обошли стороной белые. Может, не нравились. А может, и нравились, и не обошли, но те сгнули без присмотра ещё до его приезда. В общем, он решил спросить там каких-нибудь белых цветов, не слишком капризных и многолетних.

Из «Цветов», выслушав его пожелания, его направили на рынок, где, если пройти то ли четыре, то ли пять первых рядов, а свернуть, соответственно, то ли в пятый, то ли в шестой, там будет почти посередине, по правую руку прилавок с семенами. Там сидит Светлана Пална. Светлана Пална даст квалифицированный совет, последовать которому можно там же, только дальше по ряду. Или в следующем... Тань, в том же или в следующем? Через один? Иди ты! Какой через один?! Там уже Константин! В общем, то ли в этом, то ли в следующем ряду, только подальше, сразу за удобрениями, у них ещё одна точка. Но там так, один Максик сидит, он ничерта не знает, только где это взять на складе. Вот к нему от Светланы Палны прийти, и он принесёт, что надо. Но всё равно это уже не сегодня, а завтра. А, скорее всего, даже послезавтра. Потому что сегодня поздно, а завтра среда. По средам Светланы Палны нет, она в леспромхозе. А Максик – тот так, говорю же. Да не за что. До свидания. Заходите, если в дом что надумаете. Вон, сегодня как раз приехали нолины и клёнчики. Ага.

Клёнчики ему не приглянулись, а на долину даже и не хватило бы. Долина оказалась в цене. Послезавтра так послезавтра. Потерпит. Светлана Пална, могущая дать дельный совет – это хорошо. Это полезно.

Послезавтра, в четверг, он, проводив собак, снова уехал в город. Найдя рынок, он нашёл все эти то ли четвёртые, то ли шестые, эти и те ряды.

Светлана Пална оказалась дамой малюсенькой и остроносой. Сдвинув огромные очки на цепочке на кончик носа, она сообщила ему, что, в принципе, поздновато немного уже, однако, она бы посоветовала, если на её вкус, купить волжанку. У них, кажется, ещё три штуки есть, если Максик никому их за вчерашний день не прообещал. Она тут же набрала этого Максика, и оказалось, что все три волжанки ждут свои добрые руки и пока никуда не ушли. Чрезвычайно, сказала Светлана Пална серьёзно, чрезвычайно декоративные кустарники. В этом году вряд ли будут цвести. Но в будущем непременно истинно преобразят его сад, непременно. В высшей степени декоративные кустарники. В высшей. Ему все три? Очки снова уехали на кончик носа. Он представил себе свой сад с тремя непонятно как выглядящими, но в высшей степени и чрезвычайно декоративными кустарниками с белыми цветами и немного грустным, как ему показалось, названием и согласился. Цена оказалась невелика. Он заранее не представлял себе, сколько может стоить садовое растение, а потому, ориентируясь на небольшие, но довольно ценные долины, взял с собой гораздо больше. Мысленно он ещё вчера простился с этой суммой, поэтому решил купить наконец и скамью. Она была просто на совесть сколочена из толстенных сосновых досок. Кажется, даже не ошкурена. Будет чем заняться, решил он, довольный, и взял ещё набор наждачки и белое масло для покраски.

Вернувшиеся вечером собаки уважительно обнюхали посаженные им в трёх местах кусты и, с вежливым интересом уделив пару минут своего времени его энтузиазму со скамейкой, удалились под кухонный стол. А он оставался в саду, пока его совсем не одолели комары.

Проснулся он около четырёх. Эдак и в привычку войдёт, подумал он, спускаясь в кухню. Собаки и ухом не повели. Он вышел в сад и с удовольствием опустился на недошкуренную, пахнущую деревом скамейку. Вчерашний ветер уносил с собой последние следы сырой картошки. За повисшие минуты штиля он успел поразмышлять над тем, что сейчас, по идее, должно задуть картошкой жареной. Однако поднявшийся новый ветер был с ним не согласен. Ветер был порывистый, довольно сильный, хоть и тёплый. Он принёс с собой цветы. Таких цветов он ещё не встречал. Станный сладко-солёный аромат с какими-то листьями, корой, землёй. Он сидел долго, вдыхая незнакомый запах и думал о том, как хорошо будет провести день в саду, наполненном такими цветами. Да он счастливчик! С этой мыслью он поднялся и ушёл в дом.

Дом его стоял лицом на юг. Хотя и он, и собаки считали как раз наоборот. У них в ходу был сад, кухня и этот выход из дома, противоположный парадному.

Козырёк над дверью из кухни был большой. Бетонная площадка тоже. Скорее всего, здесь когда-то уже стояла скамья. И теперь это место будто получило недостающий кусочек, как пазл. Теперь он видел, что скамьи откровенно не хватало. Как он раньше этого не понимал?

Этим своим, истинным, лицом дом смотрел на север, поэтому солнце по утрам светило справа через куст чубушника, готовящегося вскорости зацвести. Теперь оно светило на скамейку. Это было просто невозможно игнорировать.

На завтрак он, по обыкновению, наделал тостов, намазав их сыром, и поделил на троих оставшийся с вечера и любимый с детства салат из консервированных кальмаров. Собаки согласились с ним с полуслова: завтрак на свежем воздухе, если тепло и не мокро – отличное начало дня.

Через неделю его скамейка была отшлифована. Волжанки благодарно восприняли поселение в выбранных им местах сада. Его сон за эту неделю ему ни разу не приснился. Но так уже бывало, и он не думал об этом.

Зато теперь можно было приступить к покрытию скамейки маслом. До этого с маслом для дерева он не сталкивался. Но тогда, на рынке, его вопрос у прилавка с лакокрасочными материалами вызвал локальную войнушку. Снаряды рвались самые разные – от трёхэтажного отечественного эсперанто до призывов не разводиться схоластику. Ему оставалось, по возможности, уворачиваться от шашек и пуль и взвешивать сухой остаток. Кажется, когда он выбрал цвет масла, расплатился и уходил, победа в битве ни перед кем ещё даже не маячила.

Пока он покрывал скамью маслом, он думал о том, что вот будет он теперь сидеть в саду на скамейке с кружкой кофе. Он уже придумал и покрывало положить, и принести с дивана пару маленьких подушек. И завтракать тут можно. И не только завтракать, но и вообще обедать и ужинать. Жаль только, собаки не ужинают. И не обедают. И вообще, они здесь только утром чуть-чуть да вечером немного. Ночью не считается. Сидеть здесь с ним днём они не будут. Это жаль, да. Но утром и вечером они здесь с ним сидеть очень даже могут. Значит себе он положит две подушки – на чём сидеть и куда опираться. А им – сложенное в несколько покрывало. Вот так. Осталось только уговорить их сесть на скамейку. Завтракать на скамейке у них не получится, но это не беда. Поедут рядом с ней, а потом сядут. У него есть поднос, на их тарелки хватит. А себе он будет брать большую плоскую, чтобы на ней и кружка помещалась. Стоять она будет на их покрывале, а как поедят – он тарелку на поднос, а они на скамейку. А если сильный дождь? Если сильный – вообще поедят в доме, а потом придут сюда на пять минут. Интересно, вдруг прервал он свои рассуждения, а откуда у него поднос?

Скамейка была готова. Случилось это вечером. С собаками он загодя свои планы по повышению комфорта проживания не обсуждал, поэтому решил дожидаться утра.

Рано. Ещё совсем рано. Но солнце уже высоко в небе, ведь уже почти лето. Он встаёт, одевается и спускается по тихому дому вниз. Выходит в сад. В саду тенисто. Солнце светит справа сквозь кусты. Он оглядывает скамью в солнечных бликах. Теперь не надо будет вытаскивать и заносить обратно стул из кухни. Эта мысль уходит, и тогда он замечает запах вокруг. Не цветов. Не травы. Запах ветра. Он замечает его вот так, сквозь всё остальное, не сразу. Он поднимает глаза в небо и видит бирюзовое сияние, разлитое над головой. Едва увидев его, он начинает замечать его повсюду, даже на скамейке. Этот ветер прежде он не встречал ни разу. На него похожи многие, а он не похож ни на один. И объяснить это сложно. Это не просто сырой ветер. Это ветер, гонящий волны мурашек, начиная с затылка. Ветер, вдыхая который, хочешь лететь, и кажется, что расправляются твои крылья. Он аж потягивается. В голове проясняется. Всё так. Всё правильно. Это за ним. Кажется, останься он просто сидеть в саду – он сойдёт с ума, или что-то надорвётся у него внутри. И он идёт по дорожке через сад, звякает калиткой и видит собак. Они ждут его на грунтовке. Они наконец берут его с собой. Он ликует, другого слова нет. Его время пришло.

Они идут через луг, пахнувший утренним солнцем. Дальше – лес. Сплошной бурелом. Он идёт за собаками, которые одни, наверное, знают фарватер. Из-за него они идут медленнее. И ему кажется, что они уже целую вечность пробираются через дебри, которые с каждой минутой становятся всё непролазнее. Вокруг почти на глазах темнеет. Вдруг собаки останавливаются. Идти дальше некуда. Он смотрит туда, куда смотрят собаки, и поначалу не видит ничего, кроме окружающей их тёмной чащи. Но затем он замечает ветер, что вывел его из дома. Прозрачный, едва уловимый поток струится мимо них вперёд. И он идёт туда, за ветром. Ноги сами ведут его. Он доходит до двух сосен, выходящих из одной точки в самое небо где-то над их головами. Поток ветра уходит туда, меж сосен. Тогда и он следует за потоком. Собаки за ним.

Они оказываются по ту сторону и смотрят вперёд. Там светлее, там кончается лес. Бирюза устремляется туда. И они следом за ней.

Они выходят из леса так, словно лес бежит от них. Он даже оборачивается. Полоса леса уходит в обе стороны от них, на сколько хватает глаз. А перед ними грунтовая дорожка, за которой расстилается поле. Совсем как у его дома.

Он осматривается по сторонам и замечает вдали у леса ещё поток ветра, но другого цвета, белый. А совсем далеко от них он разглядывает сиреневую дымку. Все эти ветра вливаются в сияющее многоцветье, царящее впереди над полем. Им тоже туда, снова через поле. Он смотрит вперёд, и ему кажется, что там, за разноцветной завесой он что-то видит. Что-то темнеет там впереди. Что-то большое и, несомненно, важное. Но ветер так ярок, краски его гораздо насыщеннее, чем он обычно видит в деревне, и ему никак не удаётся разглядеть, что же это. Они продолжают идти вперёд, и ему уже кажется, что он почти угадывает очертания. Но образ снова и снова ускользает от него. Вот, кажется, ещё шаг, два, и он поймёт!

Он проснулся и от досады аж сел в постели. И тут же ему стало смешно от этого. Продолжение – уже хорошо. Но что же там? Что?

Он спустился вниз, сварил кофе, залил медовые хлопья в трёх тарелках тёплым молоком и вынес всё это из дома. Поставив поднос с мисками собак на бетон, он устроился в углу скамьи на подушке, совсем забыв переживать о том, как уговорить собак на скамейку. Он сидел, разглядывая ближнюю волжанку и думая о том, что же всё-таки такого может быть в поле, ради чего туда можно ходить каждый день.

Доев, миску он на автомате поставил на поднос, как и собирался, взял в руки кружку с кофе и откинулся на подушку. Посидев так несколько минут, он решил, что собаки, вероятно, уже должны идти. И тут только заметил, что собаки преспокойно сидят бок о бок с ним на скамейке и в самом мирном расположении духа предаются созерцанию сада. Заметив, что он на них смотрит, они как ни в чём не бывало помахали ему хвостами, прыгнули и пошли к калитке. Он покачал головой и пошёл их провожать.

У калитки он отвесил им почти земной поклон, от чего большая фыркнула, а меньшая запрыгала на месте на всех четырёх. Чувство юмора у собак его порадовало.

Вечером он ждал их. Сидя в саду с чашкой давно остывшего мятного чая, он смотрел на закатное небо. Калитка звякнула, и собаки прошли по дорожке к дому. Он решил ничего не предпринимать и просто посмотреть, что будет дальше. Сам он был с чаем, поэтому справедливости ради заранее вынес их воду к скамейке.

Собаки молча попили и спокойно взобрались на скамейку. Как так и надо. Он решил подыграть. Вернувшись к закату, через минуту он покосился на меньшую:

– Как прошёл рабочий день?

Та сокрушённо повесила голову, и он сочувственно покивал:

– Понимаю.

Большая всё это время не отводила взгляд от горизонта. Сплошное присутствие духа и несгибаемая философичность натуры. Тут уже фыркнул он, от чего у большей дёрнулся уголок рта, но она снова сосредоточилась на линии горизонта и из образа не вышла.

Новое утреннее и вечернее времяпрепровождение было одобрено и принято безоговорочно, как в своё время октябрьский ужин по возвращении.

Наступившие первые летние сутки принесли с собой непогоду. Проснувшись около четырёх, он услышал шум дождя.

Когда здесь шёл дождь, его словно накрывало войлочным колпаком. Пока было темно, а сегодня темно будет дольше, это был даже колпак в палатке.

Он вышел в тёмный сад. Где-то там за тучами с минуты на минуту будет восход солнца. Он же вышел в своём колпаке из палатки и сел на скамью. Хороший козырёк, снова подумал он. Ему нравилось смотреть, как дождь идёт в его саду. Ему нравилось, что это его сад. Конечно, он его не планировал, не сажал. И не он решил когда-то, что и где, рядом с чем и в какой последовательности. Он поселил здесь только три растения. Но он пришёл сюда заботиться о нём. Пришёл радоваться ему и радовать его. Так что это был его сад. Здесь он чувствовал себя дома. Причём именно вот здесь, именно в этом месте – на границе дома и сада.

Угольный ветер с графитовыми искрами унёсся прочь. Он вздохнул с облегчением. Что там начнётся сейчас – непонятно, но предыдущие сутки были тяжеловаты. В безветрии дождь остался за хозяина и зашумел громче. А он сидел и думал – хорошо. Вся прошедшая неделя и половина предыдущей прошли совсем без дождя. И сегодня точно ничего не надо будет поливать. Хотя это было несложно и нравилось ему, однако дождь он уважал не в пример больше водопровода в этом качестве.

Сад шелохнулся под первыми порывами нового ветра. Запахло вишней. Такой вишней-вишней, аж варенье захотелось. Его вишни исправно цвели с ним уже третий раз, он их собирал уже дважды, и в том году даже один раз сварил варенье. Тогда он потешался сам над собой. Зато сегодня он будет завтракать тостами с маслом и своим вишнёвым вареньем. Оставив дождь и вишнёвый ветер договариваться о том, кто в его саду главный, он ушёл спать.

К его удивлению, собаки совсем не против оказались позавтракать хлебом и вареньем. Он вообще не очень разбирался в собачьей еде. Но появившаяся в своё время реклама многочисленных собачьих кормов от лица медиа-кинологов всего мира внушала, что человеческая еда со стола для собак – сущий яд. А вон поди ж ты – уминают за все свои четыре собачьи щёки и варенье, и ореховую пасту, и пироги, и омлеты. Это, конечно, не показатель. Но, если судить по настроению, плохо видным ему зубам, лучше видным ему глазам, ушам и шерсти – всё отлично. И если ещё принять во внимание, что дома они ничего кроме и не едят, то пусть уж сами выбирают – или да, или нет. Если что – на корм ему хватит, хотя он не склонен был согласиться с тем, что его меню – яд для кого бы то ни было. Разве что для рыбок, и то не для всех. Чего-нибудь сварит им, если в один прекрасный день они решат, что больше не в силах выносить пытку блинами и пирогами из здешнего магазина.

Как он и предполагал, завтрак прошёл в кухне, но перед уходом собаки уселись на скамейку. Понравилось. Втроём они сидели и смотрели, слушали дождь в саду. Мир и покой. А вот собакам сейчас придётся идти через мокрую траву в мокрый лес, через мокрый лес в мокрую траву. Ох, знать бы – чего ради?!

Наступившее некоторое время назад уверенное спокойствие таяло с каждым сном, которые теперь и сдвигались как будто бы, но на какой-то миллиметр, и не приносили ровным счётом никакой ясности и определённости. Ничего нового. Нетерпение мало-помалу опять набирало вес. Он повернул голову и увидел, что собаки смотрят на него.

– Ну вот так, – развёл он руками. – Ничего не попишешь. Я ж не собака. Человек всего лишь.

Меньшая при этих словах улыбнулась. Или я уже поехал крышей от всего этого, решил он. Собаки спрыгнули на мокрую дорожку, и он, накинув не спасающий капюшон кофты, пошёл проводить.

Собаки по-прежнему предпочитали сами открывать и закрывать себе калитку и дверь в дом. Поэтому он, чаще всего, только присутствовал, махал рукой и принимал ответные махи хвостами. Или виляние, как сегодня.

Проводив собак, он задержал взгляд на калитке и решил её покрасить. Как обычно, тут же усмехнулся он. Когда болеешь – решаешь бегать и обливаться, когда объешься – задумыва-

ешься об ограничениях и разумном подходе. А когда с неба льёт – непременно надо покрасить калитку.

Сегодняшняя вишня в воздухе дополнялась бледно-розовым сиянием, благодаря которому непрерывающийся дождь казался вкусным и даже тёплым, особенно когда утренние сумерки уже сменились дневными. Поэтому он надел куртку и вышел из дому.

По пути ему почти никто не встретился, и площадь была пуста. Какая удача, он благодарно подставил дождю ладонь. Без солнечного света бирюзовые искры сверкали не так ослепительно, но всё равно сверкали, а в сочетании с бледной вишней получалось ещё красивее. Сегодня это уже была не просто горка для ветра, а настоящий аквапарк. Сколько раз он здесь бывал с момента открытия – каждый новый ветер с удовольствием скользил по металлическому шёлку шарфа, явно ускоряясь ближе к краю. Пока все не накаются... Интересно, подумалось ему, а повторится ветер – так же будет резвиться или уже не так?

И не приедается, правда? Глава инициативного комитета, должно быть, обладал феноменальным чутьём. Он вот как раз выходил из кафе. И он ведь каждый раз, верите, каждый раз так и смотрит на памятник. Это шедевр, поистине. Глава сиял даже под дождём. А что ребята? Художники, добавил он. Ребята? О, у них выставка в городе. Да, в рамках какого-то там фестиваля по городам и весям. Он стартует в сентябре. Сейчас везде приготовления, а потом поедет автобус обозревателей и деятелей культуры и искусства через всю нашу необъятную Родину. Всё-всё посмотрят, всех-всех оценят, и потом, по итогам, в столице, в тамошнем Центральном Доме художника, будет гала-выставка. Вот там уже будет народу побольше. Думаю, наши ребята обязательно там засветятся. Он согласился и сказал, что на городской осень побывает обязательно.

Вечером, поужинав, он сел на скамью. Когда он в последний раз проводил вечер перед телевизором? Вот, что неважно так неважно. Дождь некоторое время назад перестал, небо начинало проясняться, и верхушки деревьев уже подсыхали на показывающемся вечернем солнце. Скоро звякнула калитка, и на дорожке показались мокрые собаки. В некоторой нерешительности они, такие красивые, остановились перед скамейкой. Но он, не раздумывая, сделал приглашающий жест. Меньшая благодарно вздохнула, и они взобрались на свою половину. Он заметил, что собаки сесть – сели, но как-то выжидающе на него смотрят, а большая вообще пришла не с пустыми руками. Точнее, пастью. Он вопросительно мотнул головой, и тогда она положила ему на колени шишку. Он посмотрел на подношение и снова вопросительно уставился на большую. Собаки переглянулись и посмотрели на него так, как будто ждали чего-то. И, по-видимому, это что-то напрямую касалось этой шишки. Он взял шишку в руки покрутил перед глазами. Обычная. Сосновая. Сосновая? Ну да. Вроде, сосновая... Сосновая?!

– Это что?! Это что, от *тех* сосен?! Серьёзно?! – он не верил своим глазам и глядел то на сокровище в своих руках, то на собак.

Большая опустила голову. Кивнула? А меньшая истоиво завиляла хвостом.

– Но погодите, – вдруг спохватился он. – Но ведь сегодня вишня. Вишня? – он на всякий случай принял. – Ну да, вишня. А как же хозяйственное мыло?

Собаки переглянулись и снова уставились на него.

– Погодите, погодите. Сейчас, сейчас, – он стал соображать. – Шишка – шишкой, тут всё так. Но и мыло нужно, так? – собаки явно обрадовались. – То есть, это как приглашающий? Он же заранее вручается, вроде... – меньшая протиснулась между большей и спинкой скамьи и лизнула его в щёку. – Ого! – он был польщён. – Вот это признание! Ну хорошо. Спасибо вам, собаки, за шишку! – он церемонно поклонился, и они ответно завиляли хвостами. – Это ведь огого! Это ж... Это ж, подумать только... – он откинулся на подушку и стал разглядывает свой приглашающий. – Это ж ведь от *тех* сосен... Уму непостижимо.

Он верил. Он верил в свои сны. Он каждый день своими глазами видел подтверждение тому, что всё это – на самом деле. Но шишка, эта сосновая шишка была настоящим артефактом.

– А зачем вообще мыло? – вдруг оторвался он от своих размышлений.

Собаки уставились на него, потом переглянулись, и большая, фыркнув, залаяла. Пролаяв несколько раз, она склонила голову на бок и посмотрела на него с такой иронией в своих собачьих глазах, что он расхохотался.

– Понял. Это как задавать вопрос с разговорником. Хорошо. Мыло – нужно. Почему? Потому что... за ним и только за ним идёт путеводный ветер? – собаки завиляли хвостами. – Ну всё понятно. Хотя в данной ситуации это неуместный комментарий, – он улыбнулся и вернулся к подарку.

Собаки немного посидели, потом потоптались на скамье, откланиваясь, и, спрыгнув, удалились в дом.

Он посидел на улице ещё немного, пока комары не загнали в дом и его. А когда лёг, покрутил в темноте перед глазами сосновую шишку, положил её на тумбу у изголовья и закрыл глаза.

И открыл их в туман. Нет, строго говоря, это был не туман. Просто дуло столько ветров, таких разнообразных цветов и оттенков, таких ярких, что невозможно было толком ничего рассмотреть вокруг. И ему стало ясно – он там, на поле за лесом. На него обрушивалась целая лавина запахов. И он стоял один. Как он здесь оказался – было непонятно. И куда делись собаки – тоже. Было, в общем, светло, но совсем ничего не видно. Он попробовал идти вперёд. Конечно, у него это получилось, но куда он идёт – он не понимал. Он шёл и шёл, и вскоре по обе стороны от него, примерно на одинаковом и одинаково большом, как он полагал, расстоянии потемнело. Впереди и позади было всё так же светло. Вот сверху как будто бы немного темнело, но как-то неявно и ненадолго, да и не ясно поэтому – темнело ли. Видимо, подумал он, он оказался посередине между чем-то и чем-то. Это было похоже на тоннель. Только как-то, похоже, без потолка. А он всё шёл и шёл. И скоро темнота по бокам от него закончилась.

Он открыл глаза в своей комнате, у себя в доме. Наверное, было уже недалеко до утра. За окном снова шумел дождь. В комнате, а значит, и во всём доме, уже прочно обосновался запах сегодняшнего огуречного ветра. В общем, ему понравилось. Сквозь приятный свежий аромат, занявший его мысли, потихоньку начал всплывать сон. Он машинально потянулся к тумбочке, взял шишку и стал крутить в руках, вспоминая детали. Странно всё-таки. Он не просыпался, не встречался с собаками, не шёл лугом, не пробирался через лес. Просто – бац! – и поле с ветром. И какие они там яркие! Здесь он видит их не такими, а то было бы трудно. А во сне вон как – не видно из-за них ничего. А может, это от юбиляра? Чтобы он не обрадовался раньше времени. Он задумчиво поскрёб подбородок. Может, и от юбиляра. Он лёг обратно, вернул шишку на тумбочку и спал до утра без снов.

Завтракали снова в кухне. Дождь уходить пока не думал. Но пить кофе и сидеть на скамейке они всё-таки вышли.

– Станный мне сегодня сон был, – не поворачивая головы к собакам, проговорил он, разглядывая малиновые кусты вдоль забора.

Собаки промолчали, но краем глаза он уловил движение – они обернулись к нему. Тогда он тоже посмотрел на них и продолжил:

– Я вдруг оказался прямо там. Сразу. Безо всех обычных прелюдий.

Собаки ждали продолжения.

– Ну, это, собственно, всё. Не видно ничего.

Собаки отвернулись и стали рассматривать малину. Он тоже вернулся к ней.

Малина начинала зацветать. В сухую погоду в кустах уже стояло мерное жужжание. Сейчас, в дождь, она была особенно молчалива.

Когда они втроём двинулись под дождём к калитке, большая обернулась к нему и привычно уже фыркнула. Это было личное её развлечение – смотреть, как он ходит в дождь. Он старался не наступать на дождевых червей. И не то, чтобы он их как-то особенно нежно любил и выделял среди прочих обитателей сада, он бы так не сказал. Но просто как-то раз, уже довольно много лет назад, он шёл под дождём по дорожке через один парк. Долго шёл. И всё время за одним и тем же человеком, который ещё в самом начале дорожки наступил левым ботинком на червяка. Почти посередине. Половина червяка распласталась по подошве ботинка, основательно прилипнув к каблуку, а другая никуда не делась, осталась висеть. И вот этот человек шёл и всю дорогу поднимал на ботинке этого несчастного полчервяка. Вверх-вниз, вверх-вниз. Взлетит – шмякнется, взлетит – шмякнется. Впечатление у него осталось глубокое. На рыбалке он бывал, копал, насаживал, скармливал рыбам. В саду, случалось, пере-рубал лопатой – не горевал. Но вот те полчервяка засели в памяти накрепко, и он в дождь всегда, если мог, смотрел под ноги и не наступал на них.

Посреди дня дождь внезапно перестал. Словно вылился весь. Раз – и всё. Полные водой облака ходили по небу ещё весь день, но солнце нет-нет да и выглядывало.

Вечером, сидя в саду, он смотрел на небо. Низкие тяжёлые облака открывали широкую полосу чистого голубого цвета над горизонтом. И он наблюдал, как в эту полосу постепенно опускается солнце. Он подумал, насколько всё приблизительно выходит на словах. Вот взять небо сейчас. Лиловое золото. А ведь так и есть. А из чего состоят облака? Из клоков, обрывков, кудрей, барашков... Всё это по краям отливало почти слепящим прозрачным каким-то золотом, сквозь которое угадывался цвет, следующий за ним – лиловый. А лиловый потом переходил в сизый. Как неуклюже и неповоротливо это звучит. А на самом деле – невероятная красота. Недолгая, ускользяще-переменчивая даже в своей почти полной неподвижности. Впереди и над ним облака и солнце нарисовали целый мир. Он встал со скамейки, чуть отошёл по дорожке от дома – так и есть, его дракон смотрит аккуратно в лес. Вот почему ему кажется, что облака стоят на месте. Сев обратно, он вернулся к картине. Он увидел там реку, русло которой прихотливо петляло между холмов. Ему в голову пришли строчки из песни:

*Высоко протекает река,
По которой плывут облака.*

Красиво. Песня дальше шла довольно дурашливая, но начало было красивое. Справа между холмов река разливалась в огромное озеро, посреди которого был остров с городом и лесом вокруг него.

Стоило ему начать рассматривать какую-то увиденную деталь, как рядом он видел ещё и ещё, подробности появлялись одна за другой, словно на фотографии в ванночке с проявителем. Это занятие поглотило его совершенно. Вернувшиеся собаки подсели к нему на скамейку и в том же благостном настроении присоединились к разглядыванию небесной панорамы.

– Это невероятно, – покачал он головой.

Большая что-то солидарно проворчала, а меньшая, не отрываясь от неба, постукала хвостом по скамье.

– Не завтра? – вдруг спросил он, большая фыркнула, и он добавил: – Ну, не завтра так не завтра. Подождём послезавтра.

Солнце скрылось, и облака постепенно погасли. Все трое ушли в дом. Собаки протопали под стол, и он ушёл спать.

Улёгшись, он, однако, понял, что сна ни в одном глазу. Вот надо было ему спросить. Теперь каждый день будет спрашивать? Тикать, как часы. Ожидание, конечно, штука утомительная. Лучше всего – вообще не ждать. Как-нибудь так настроиться, что когда случится – тогда и случится. А то собаки перестанут с ним разговаривать, усмехнулся он в темноту.

Было уже далеко за полночь, когда он делал себе липовый чай, стараясь не шуметь в кухне. Потом он его пил у открытого окна. И снова думал о том, что как идёт – так пусть и идёт. Высоко протекает река. Пусть течёт. Он не станет поворачивать её вспять. Зачем? Да и кто он такой? Да и вообще, как будто это можно сделать, он улыбнулся. Вот и хорошо. Сейчас он полежит ещё немного, решил он, вертя в руках сосновый пригласительный, и пойдёт ждать новый ветер.

Проснулся он утром. От того, что что-то впилося ему в бок и колет нещадно. Он перекатился на спину и нашарил рукой... обломки шишки. Он аж сел. Вот осёл! Ну осёл, ну ё-моё! А если теперь всё пропало?!

Он сбежал вниз по лестнице, запыхавшись от волнения и спешки, вбежал в кухню – ещё здесь.

– Собаки! Собаки, я её сломал!

Его горестные вопли разбудили, наверное, даже соседских собак. А эти только приоткрыли по одному глазу. Он протянул им под стол раскрытую ладонь с обломками своего утраченного сокровища. Большая понюхала руку и постучала хвостом по полу, меньшая вообще закрыла проснувшийся было глаз.

– Что, это ничего страшного? – встревоженно спросил он уже обычным голосом.

Большая молча смотрела на него. Теперь уже меньшая, не открывая глаз, постучала хвостом о пол. Он замолчал, закрыл ладонь и сел на пол, прислонясь спиной к ножке стола. Значит всё нормально. Значит тут, видимо, важен сам факт, а не наличие в целостности и сохранности. Предъявлять не придётся. Ну и хорошо. Нет, ну какая жалость! Ну какая жалость! Вот ведь он осёл! Вот осёл... Теперь уже обе собаки постучали хвостами по полу, как будто слышали, о чём он думает.

– Тосты будете? – понуро спросил он. – Больше нет ничего, соглашайтесь. Я сейчас.

Он вернулся к себе, привёл себя в порядок и спустился уже почти в норму.

– Точно ничего страшного? – в очередной раз пристал он к собакам, когда те уже хрустели в саду тостами с сыром.

Собаки на секунду замерли и вновь продолжили хрустеть. Он пил кофе, продолжая досадовать на себя. Собаки взобрались на скамейку, и большая укоризненно на него покосилась, призывая его заткнуть уже свой фонтан самобичевания, дать отдохнуть и фонтану. Всё нормально. Ну сломал. Ну подумаешь. Да, дело-то житейское, в тон ей вспомнил он Карлсона под её ореховым взглядом.

– Ну ладно, ладно, – покивал он. – Я понял.

Меньшая клацнула пастью по какой-то мушке, и они прыгнули на землю. Пора.

Он проводил собак и, сверившись с расписанием автобусов в коридоре у зеркала, собрался – нужно было в город, снять пенсию, да и вообще.

Город, как обычно, тяжело навалился на него, мешая свободно дышать и принуждая его моргать чаще. Сняв деньги и расставшись тут же с их немалой частью в виде разнообразных ежемесячных платежей, он решил сходить-таки в парк. Убьёт двух зайцев. Даже трёх. Во-первых, есть время до автобуса. Расписание бесчеловечное – пять автобусов в день. Во-вторых, надо же всё-таки хоть раз там побывать, дать ему шанс, в конце концов, может, он того стоит. А в-третьих, если всё же не стоит, то в следующий раз, когда у главы инициативного комитета

случится приступ негодования на почве городских плюсов, он хоть будет знать слова песни, а не просто рот открывать.

Парк был довольно большой. Всё-таки центральная городской. С аттракционами даже. Аллеи и аллейки, липы, дубы и сирени, клумбы и «по газонам не ходить», скамейки и три фонтана, один из которых мемориальный, с голубыми елями. Два кафе. Малюсенький прудик. Целая толпа детских уголков с карусельками и песочницами. В принципе, отдал он должное, горожанам, особенно живущим неподалёку, повезло. Но ему хотелось уйти. К тому моменту, как он поселился здесь, он успел набраться человеческой толпы под завязку. И до сих пор не отошёл от этого. А может, и не отойдёт. Его общение сейчас, помимо случайной вежливости в деревне, составляли нечастые встречи с главой комитета, немногословные вопросы-ответы с соседями, у которых он, договорившись в самом начале, покупал овощи и яйца. Ещё реже – продавцы. Ну, сотрудники банка. Всё. А ежедневное общение у него свелось к зеркалу, саду и – собакам. Самое душевное общение. В буквальном смысле. Они ведь не болтливы. И этот парк вызывал у него одно желание – сесть в автобус домой. Увы. Хотя шанс он парку дал честно и справедливо, на его взгляд. Он проходил там часа два, не меньше. Когда он понял, что толку не будет, время уже перевалило за обеденное, он пропустил очередной автобус и проголодался. В городе он обычно ел в блинной, здесь недалеко. Пока он ел, он наметил себе ещё поход на рынок и финишный рыбок, раз уж он здесь – хозяйственные.

На рынке он зашёл к Светлане Палне, поскольку было ещё не слишком поздно и не среда. Он посоветовался с ней насчёт тли, получил название и побывал с ним у Максика. А потом отправился по хозяйственным с составленным в блинной небольшим списком.

Когда он прибыл на автостанцию, ему оставалось только ждать последний автобус, который, уже почти на закате, отвезёт его наконец домой.

Ожидая автобус, он вспомнил, что чуть не забыл орехи для пасты на утренние тосты. Ждать ещё месяц, а раньше он не намерен был здесь показываться, без ореховой пасты и ему, и собакам будет тоскливо. Поэтому он сходил ещё и за орехами.

Терпеливо прохаживая, таким образом, весь день по нелюбимому и нежеланному городу, он с радостью сел в автобус, показал пенсионное кондуктору и задремал. И снились ему глава инициативного комитета вместе со Светланой Палной, разносящие городской парк в щепки перед газетчиками, и Максик, служащий в банке дератизатором. При чём тут вообще крысы, изумлялся он, выходя с сумками из автобуса. Когда автобус тронулся, он заметил спешащего к нему главу. На ловца и зверь, подумал он и поздоровался. Глава снова сиял. Да ему прям везёт наткнуться на человека почти всегда в исключительно приподнятом настроении, усмехнулся он про себя. Глава сообщил, что назначена точная дата выставки в их городе. Поскольку фестиваль стартует, как он и говорил, в сентябре, а их город не первый в списке, то ребята будут выставляться не в сентябре, а в октябре. Открытие одиннадцатого числа! Символично, он не находит? Чует, чует его, главы, сердце, что они себя покажут достойно! На высоте они себя покажут! Тьфу-тьфу-тьфу! Глава комитета энергично заплевал себе через левое плечо, где, по счастью, никого не оказалось.

Пока они беседовали о выставке, глава, вызвавшийся помочь, довёл его до дома, вручил сумку, которую нёс, и, сообщив, что ещё не всех обошёл, умчался в закат. А он решил зайти с кухни. Покупки хозяйственные, орехи, да и вообще, там лучше.

Подумав о собаках, он, уже обойдя дом, увидел и их. На скамейке, где ж ещё. Надо же, обрадовался он, ждут его. Он припозднился, что есть, то есть. Но – ждут! Да, он обрадовался. А потом и вовсе чуть было не пустился в пляс – на его подушке рядом с ними лежали две сосновые шишки. Две. Значит каждая принесла по шишке, чтобы он не горевал. Он поставил сумки у двери, взял шишки в руки и сел рядом с собаками. Разглядывая шишки, он счастливо разулыбался:

– Спасибо вам, собаки! – собаки завиляли хвостами, смотря на него в каком-то радостном ожидании, будто в предвкушении, ещё подумалось ему. – А я вам орехов купил, – он соображал, что он упустил? Что-то ведь он, наверное, должен сделать, судя по их мордам.

Собаки переглянулись. Ему показалось, или они действительно выглядели сбитыми с толку? Что-то шевельнулось на краю его сознания. Собаки спрыгнули со скамьи и сели на дорожку напротив него. Он не понял. Где-то внутри снова что-то шевельнулось, какая-то почти догадка. Ещё немного, и он поймёт, перестанет тормозить. Большая подошла к нему и ткнула носом одну из шишек, лежавших у него на коленях. Он посмотрел вниз, потом на большую, на меньшую... Шишки, собаки... собаки, шишки... Мыло! Запах ударил ему в нос, как по лбу. Сегодняшний ветер – ветер хозяйственного мыла! Он ни разу, ни разу за день этого не почувствовал. Ирония судьбы. Он ждал его, ждал так, что почти начал, как он сам выразился, тикать. А когда этот ветер пришёл – он что сделал? Не заметил его! Сначала сломанная шишка, потом город, затем глава, снова шишки... И ночью он ведь так себя уговаривал не гнать, не лезть, не приставать. Вот, пожалуйста. Уговорил.

– Собаки, – прошептал он с круглыми глазами. – Собаки, я же теперь не засну!

Большая фыркнула.

– Хорошо тебе фыркать. Я серьёзно.

Большая переглянулась с меньшей, и они проследовали в кухню. Он тоже поднялся, надо ведь было разбирать сумки, покупки разложить. Завтра его ведь не будет целый день. Ох ты ж ёшкин кот...

Когда он вошёл в кухню, меньшая ждала его с букетиком сухих листков в зубах.

После позднего ужина он заварил себе собачьего чая, и они втроём вышли в сад. Обычно в это время собаки уже спали под столом. Но сегодняшний вечер был особенным, как ни крути. Не только ведь для него. В некотором смысле, он был их протезе. В общем, они тоже пока не спали, поэтому сопровождали его.

Чай он пил молча. О чём было говорить? Сказано было уже немало, вопросов он никаких не задаст, ответов не получит и не придумает. Да и зачем? Завтра он всё увидит собственными глазами. С ума сойти.

Наконец собаки улеглись, и он поднялся к себе. Едва его голова коснулась подушки, он уснул.

5. Первый поход. Ветер. Привратник. Можжевельник

Проснувшись рано утром, отдохнувший и свежий, он даже не расстроился, что после чая спал без снов. Какие могут быть сожаления о сне, когда вот она явь! Он не стал смотреть в окно, чтобы сделать свой выход из дома таким, каким видел его столько раз. Ну, хотя бы приблизительно.

Спустившись в кухню, он увидел, что собаки как раз выползают из-под стола.

– Утра вам, собаки! – он поставил кофе и сделал тосты. – Завтракаем здесь. Сегодня пропустим, ладно?

Собаки завияли хвостами, соглашаясь.

Когда с завтраком было покончено, меньшая сорвалась с места и умчалась к этажерке. Зарывшись там по самые уши в свой коробок, она выудила со дна два ошейника.

– Зачем они вам всё-таки?

Вместо ответа собаки подошли к нему, каждая со своим ошейником, и он надел их на собак.

– Всё? Пора?

Собаки завияли хвостами и первыми вышли в сад.

Он вышел из дома. Осмотрелся. Всё, как всегда. Ничего необычного. Ровным счётом обычная такая среда. Среда, вдруг вспомнилось ему откуда-то, это день, когда может случиться всё, что угодно. Он улыбнулся сам себе. И поднял глаза в небо.

Если бы он не шёл наконец с собаками, он бы так и остался здесь на весь день. От цвета невозможно было отвести глаз. Бирюзовый. Этот странный бирюзовый цвет из его сна. Он всё-таки увидел его наяву, глазами. Он сиял. Он переливался. Он тёк рекой повсюду. Сам воздух сплошным потоком протекал сквозь всё, что его окружало, кажется, сквозь него самого. Каждой частице воздуха эта бирюза давала какую-то морскую глубину. Смотреть можно было бесконечно. Но было пора. Он вздохнул. И очнулся. И вдохнул ещё раз, так глубоко, как мог. Воздух. Запах. Он был такой... Он был живой. Он покачал головой. Нет, это безнадежно. Сложить из букв это невозможно. Название – да, а сущность – увы. Ему лишь казалось, что всю свою жизнь до этого дня он дышал разбавленным воздухом, а теперь дышит настоящим. Что-то подобное, вспомнил он, он ощущал, когда ему надевали кислородную маску в хирургии. Но всё равно это не то. Нет, не то. Он вдохнул до головокружения. Он сам весь, казалось ему, заискрился. Кровь, сияя, разнесла живой бирюзовый ветер по всему телу, в каждую клетку. Он шагнул на дорожку и пошёл через сад. Как во сне. Только на самом деле. Упоительно. Собаки терпеливо ждали его на грунтовке.

– Собаки, это... – он покачал головой и улыбнулся, бессильно разведя руками. – Нам пора.

Они ступили на луг. Трава доходила ему почти до колен и пахло утром. Ночные сырость и свежесть ушли ещё не совсем. И начавшее пригревать солнце добавляло в аромат луга уже свои дневные ноты. И ветер. Да, это была живая сказка. Он шёл молча и почти всё время улыбался, несмотря на мокрые от росы ноги. Он смотрел, он дышал. Он ловил каждую секунду.

Дойдя до леса, он вспомнил свои ощущения из сна. Да, так и есть. Никакого холодка по спине больше не было, и не мерещились глаза за каждым деревом. Но проще передвигаться по нему от этого не стало. Он шёл почти след в след за собаками. А они шли то прямо, то петляя, то забирая в стороны. Он не видел никакой разницы – слева обойти пень или справа, а они видели. Иной раз они по какой-то причине предпочитали обойти, а не перепрыгнуть и не преодолеть ползком, поваленное дерево. Но и поползать ему пришлось. Один раз они перебирались через болото. Вот в этом месте, наверное, ему было страшнее всего. Ну, одним

им известные и различимые кочки – это было полбеда. А вот где для него была беда – его вес ведь был несопоставим с весом собак, даже общим. И каждый раз, прыгая, он думал – выдержит или не выдержит его этот островок? Но всё обошлось благополучно.

Они шли долго. Конечно, в основном, из-за того, что он был с ними. В реальности пробираться по непроходимому лесу было не так интересно и увлекательно, как во сне. Это было тяжело. Были комары, оцарапанные руки и лицо, жарко и плохо видно. Хорошо, что собаки таких цветов – эта мысль не раз приходила ему в голову.

Часов он с собой не брал, он их не носил, но, по ощущениям, они шли уже пару часов. Интересно, подумал он, а сами они за сколько справляются? За полчаса, скорее всего, не больше. Он не сразу понял, что они стоят и никуда больше не идут. А когда понял, стал оглядываться по сторонам. Без таких провожатых он бы в жизни не дошёл здесь туда, куда надо. Кругом всё одинаковое – деревья, кочки, корни, поваленные стволы, пни и коряги. Птиц здесь он почти не слышал, дорог поблизости нет. Ни одного ручья тоже не попало по пути. Глухое местечко, Ватсон.

Собаки стояли и смотрели на него, поблёскивая глазами. Тогда он стал внимательно смотреть по сторонам. И заметил, что чуть в стороне, за деревьями, было как будто бы чуть светлее. Он осторожно перебрался поближе и увидел, что там, между торчащими частоколом давно высохшими ёлками, в воздухе словно течёт ручей. Странно, подумал он. И во сне это в голову не приходило. Ведь там, в деревне, цвет ветра виден повсюду. Где затишье – еле заметно, где открытое пространство – более явно. Да даже в доме нет-нет да и увидишь его искры или тоненькую ленту сквозняка, рассыпающуюся, рассеивающуюся почти сразу. Словом, повсюду. А здесь, в лесу, всё темным-темно. Хотя здесь и движение воздуха не ощущается вовсе, но всё же. Станный лес.

И вот он – протекающий через лес ручей. Но тёк он не так, как они шли. Видимо, он спускался в лес сверху прямо тут, рядом? Зачем ему через весь, он же не пешком, размышлял он, осторожно подставив ладонь ручью. Бирюзовая текучая дымка ощущалась кожей чуть прохладнее окружающего ватного воздуха леса и, сияя, ускользала у него между пальцев. Он стоял, зачарованно глядя на руку, пока большая не вздохнула деликатно у его ног. Тогда он кивнул и осторожно двинулся вслед за ручьём.

Ручей тёк примерно на уровне его головы и чуть выше, напоминая развевающееся полотно прозрачной ткани. Он, а за ним и собаки, шли рядом. Поскольку теперь направляющим для их троицы был он, они пошли, кажется, ещё медленнее, чем до этого. Но он переживал зря – идти было недолго.

Совсем скоро он увидел их. Две сосны. Сросшиеся у земли и уходящие развилкой в небо. Он подошёл к ним, обошёл вокруг, задрал голову. Вот они какие. Он столько раз видел их во сне. Он их узнал сейчас почти так же, как узнают на улице знакомых. И вокруг на земле полно шишек. Он улыбнулся и обошёл вокруг ещё раз. С одной стороны от сосен было ошутимо светлее, с той, с которой они подошли. Объяснение этому было столь же очевидно, сколь и невероятно. Их ориентир, их поток бирюзового ветра втекал в развилку с одной стороны и – не вытекал с другой. Одно дело, когда тебе это снится. И совсем другое дело, когда ты взял себе в обычную такую среду утром вышел из дому в лес, а тут такое. Он вернулся к собакам, посмотрел на них, на бирюзу, уходящую через развилку куда-то, и сделал шаг отсюда туда – куда-то. Неизвестно куда.

Вышел он просто по ту сторону развилки. Ему так показалось. Совсем просто. Ничего не случилось ни вокруг, ни в нём самом. Тихо и спокойно. Как во сне. Он снова обошёл сосны и увидел, что вытекать бирюза вытекает, но берётся ниоткуда, с другой стороны её нет. Когда он снова подошёл к выходу из развилки, где сиял ветер, между сосен показалась меньшая, подпихиваемая большей. Вот почему нянькой при нём, больном, оставалась меньшая, решил он. Сама бы она здесь не взобралась.

Он поднял голову и увидел, что, вытекая из развилки, поток становится похож уже не на лесной ручеёк, а на маленькую речку. Ветер как будто разворачивал своё бирюзовое полотно на просторе. И действительно, огляделся он, этот лес был уже непохож на тот, что они оставили позади. Здесь было и впрямь просторнее. Свежее и светлее. Идти по нему было одно удовольствие. Особенно по сравнению, усмеялся он.

– Всё, всё это мне снилось! Честное слово, – радостно сообщил он собакам.

Пока он на ходу вертел головой, лес вдруг закончился. Он, конечно, помнил об этом и ждал этого, но всё равно это произошло очень уж внезапно. Так что не обернуться тут же было выше его сил. Он обернулся рефлекторно и тут же засмеялся этому.

Стоя лицом к лесу, он видел, что тот уходит от них и влево, и вправо до самого горизонта по прямой. Станный лес. А присмотревшись, он действительно увидел вдалеке и другие потоки других ветров других цветов. И их невообразимый бирюзовый, и те, другие, взмывали ввысь, выйдя из леса, и многоцветной рекой уносились вперёд.

Они стояли на дорожке. И правда, точь-в-точь, как за его садом. А за дорогой... А за дорогой теперь не было такой мешанины ярких красок, как во сне. Воздух действительно представлял собой своеобразный мольберт, но это никак не мешало ему видеть.

Перед ними расстилалось оно, поле. Он присмотрелся, и брови его взлетели вверх. Поле было белёсым и шёлковым от росшего на нём сплошным ковром ковыля. Откуда тут ковыль? Нигде больше в этих местах он его не видел. Да и откуда ему здесь взяться, ведь для него здесь холодно. Однако это был самый настоящий ковыль. Целое поле ковыля.

Поле, как и оставшийся позади лес, уходило влево и вправо, на сколько хватало глаз. И впереди, куда он смотрел, края ему видно не было. Впереди было видно другое. Он закрыл глаза, инстинктивно тряхнул головой и открыл их снова, от чего большая фыркнула. Впереди, как ему показалось, где-то в получасе ходьбы, стояли колоссального размера распахнутые ворота на двух столбах. На таком расстоянии ему трудно было сходу определить их размер, но и так было понятно, что они просто гигантские. Над воротами была двускатная крыша. Он видел такие в детстве, в какой-то деревне.

Воздух перед воротами мерцал и словно вибрировал. И чем ближе они подходили, тем это становилось заметнее. Ещё на подходе к ближайшему к ним исполинского размера столбу, левому, он понял, что заставляло так себя вести воздух на входе. Ветер. Точнее, ветра. Их здесь было очень много. Буйство цветов и запахов. Они дули отовсюду – сюда, в ворота. Место, куда дует весь ветер на свете, подумал он. Осенью, наверное, собираются целые ворохи разноцветных листьев. Зимой тут не пройти из-за снега всех снежных туч мира. Весной здесь намечает сугробы из лепестков цветов. В начале лета воздух белеет от облаков тополиного пуха. Большую часть всего этого ветер, конечно, оставляет по дороге сюда, да и сезоны на земле в каждую минуту времени присутствуют все без исключения. Но всё равно картины перед его глазами рисовались удивительные. Мог он себе представить такое, когда навязывался собакам осенью? Разумеется, нет. Как это вообще могло прийти кому-то в голову в здравом уме? Однако сначала он стал видеть ветер. Потом он прошёл чрез развилку сосен между двух лесов. И теперь он стоял у открытых посреди поля ворот, рядом с которыми столичная триумфальная арка смотрелась бы калиткой в деревенском палисаднике. Он стоял, пригвождённый к месту, задрал голову вверх, и не решался сделать ни шага.

А вокруг него, обходя его, как вода в реке случайный камень, занимая весь необъятный проём, неслись сияющие потоки с самыми разными ароматами. Он стоял, омываемый со всех сторон разноцветными искрами, и ловил. Вот запах чёрного чая. А это – склад покрывек. Сладкий перец, герань, какие-то цветы, сладкие и смолистые, и чеснок. Мокрая овечья шерсть, тыква, розовые кусты и мёд. Сандал, калиновое варенье, мята, лавр, костёр, ромашка, базилик, сухой цемент, кинза... Бесконечность. И посреди этого забавного занятия ему в голову пришла мысль. Точнее, не мысль, пытался он сформулировать потом, скорее, это было ощущение. Он

вдруг почувствовал себя. Весь. Целиком. Причём так, словно он стал... новый. Он стал новый. Он усмехнулся, звучит по-дурацки. Но зато верно на все сто.

За этим оглушительным великолепием он совершенно отвлёкся от своих провожатых. Он огляделся, но собак нигде не было видно. Тогда он решил войти в ворота сам. Дойти досюда и просто постоять рядом? Это несерьёзно.

Он вышел на середину проёма, чтобы не смазать впечатления. Расстояние до обоих столбов впечатляло. Он показался себе муравьём в дверях.

Несмотря на постоянные порывы ветра, створки ворот были неподвижны. Ему пришло в голову, что они вообще не двигаются. Такие тяжёлые, или огромные петли заклинило намертво. Он пошёл вперёд. Когда он проходил под крышей, он задрал голову вверх. И тут, кажется, он понял, где он был в своём последнем сне. Здесь. Он входил в ворота. Проходил под крышей и шёл дальше, между двумя огромными створками.

Монументальность строения придавливала его к земле, но в то же самое время словно делала пылинкой, танцующей в солнечном луче. Эта странная двойственность и ощущение собственной новизны совершенно сбивали с толку, что было, тем не менее, удивительно приятно. Окрыляюще.

Расстояние и многоцветное сияние ветра, сопровождавшее его на входе, не позволяли ему как следует рассмотреть ворота. Он подошёл ближе к правой створке. Он шёл и шёл вдоль неё, и когда дошёл до конца, увидел, что её подпирает камень. Наподобие того, что стал памятником в деревне, только гораздо больше. Со времён таяния последнего ледника, вспомнил он слова главы инициативного комитета.

Шириной створки ворот были в пару его ростов, а может, даже чуть больше, прикинул он. А вот из чего они? Выглядели они так, словно были сделаны из дерева, затем их тщательно заморили, а потом прошли, он покачал головой, пара-тройка миллионов лет и... Вуаля. Твердокаменные, изначально, возможно, тёмно-коричневые, со временем ставшие почти чёрными, а ещё через время ставшие поверх всего какими-то седыми что ли. Гадать можно было сколько угодно.

Не было на них ни изумляющей его чувство прекрасного резьбы, ни ажурной ковки, никаких иных декораций. Однако ворота ему так понравились, что он удивлялся сам себе. Он даже всерьёз стал раздумывать, не остаться ли здесь вообще. Ну, собак подождёт в конце концов, а то делись куда-то. Он даже рассмеялся от этого. И рядом с воротами, во-первых, его смех показался ему каким-то тихим и, вот интересно, не взрослым, а во-вторых, он внезапно почувствовал, что здесь, в этом странном месте, он на месте. На своём. И, почувствовав это сейчас, он понял ещё, что всё, это с ним, и никуда от него не денется. От этого одновременно защипало нос и появилось желание идти дальше. Он был совершенно сбит с толку, счастлив, как дурак, и, улыбаясь, всё-таки пошёл вперёд.

За воротами было совсем не поле. Снаружи виделось всё совсем иначе. Как с соснами в лесу. И по ту сторону лес, и по другую. И только пройдя между ними, стало ясно, что лес по эту сторону – совсем не тот лес, а может, и не там вовсе. А теперь ещё и ворота. Сейф в потайной комнате.

Ещё на входе в ворота он заметил, что ковыль из-под ног пропал, уступив место короткой жёсткой травке, почти выгоревшей на солнце. И земля дальше шла совершенно плоская, словно выровненная, ни ямки, ни кочки. А перед ним на одинаковом расстоянии, метрах в шести, друг от друга, начинались сложенные из камня стены. Они выросли из земли постепенно, под одинаковым для всех углом, довольно пологим, и выросли далеко выше его роста. Не с ворота, конечно, но гораздо выше него, раза в четыре как минимум. А земля между стенами постепенно уходила вниз, создавая что-то вроде котлована, тянувшегося вместе со стенами далеко вперёд. Так что высота стен целиком, от дна котлована до верха над его головой, была довольно внушительной.

Стен было много. Он насчитал тридцать одну и сбился. Каждая шириной почти с него. Благодаря расстоянию между ними было не так уж темно, но он не решился выбрать две из них и пойти между ними. Он поступил иначе. Он выбрал ту, что была примерно посередине, и вошёл на неё по пологому подъёму. Поднявшись, он увидел, что прямо стены идут недолго, а затем они идут зигзагами – то вправо, то влево, то вправо, то влево. Все одинаково. И зигзаги эти уходят вдаль километров на пять. Что там дальше, он решил узнать, не откладывая. А ещё там наверху он с удивлением понял, что выбрался из ветра. Совсем. Здесь над стенами его практически не было. Так, отдельные случайные порывы. Весь ветер остался внизу. Он обернулся – сияющие потоки из ворот направлялись в коридоры между стен, какой быстрее, какой медленнее, и текли по обе стороны от него, словно он шёл между каналами. Над стеной воздух был почти неподвижен и пахло полем.

Он пошёл вперёд по стене, как по дороге. Внизу, по обе стороны от него, шумел ветер. Периодически то справа, то слева он видел решётки во весь проём. Узорные. В решётках ветер посвистывал, теряя, наверное, понемногу то, что он не оставил ещё до ворот.

Он прошёл около половины пути, когда впереди уже отчётливо стало вырисовываться то, куда вели зигзаги стен. Ещё одни ворота. Такие же огромные, тоже распахнутые внутрь и с упорами. Значит в ворота позади него дуют все ветра мира, а дуют они из ворот, что впереди него? А эти стены? Похоже на расчёску, если честно, подумал он. На этой его мысли где-то справа знакомо фыркнули. Он повернул голову – так и есть, по стене через одну от него шли собаки.

– Я вас потерял! – обрадовался он.

Собаки радостно завивали хвостами.

– Я решил дойти до тех ворот, – прокомментировал он свой поход, словно это не было для них очевидно.

Между стенами слева от него снова показалась решётка.

– А это что, что-то вроде фильтра? – он махнул рукой на решётку.

Собаки переглянулись, и в мгновение ока произошло то, от чего он, в прямом смысле слова, остолбенел. Они перепрыгнули на его стену. Это произошло очень быстро. У него аж дух захватило. Даже большая не смогла бы осилить такой прыжок, а уж меньшая и в помине. Но не это по-настоящему потрясло его. А то, что начали и закончили прыжок собаки, а в воздухе вместо собак был ветер. Два потока. Золотисто-рыжий и какой-то серебристо-золотой, тёплый оттенок. В ошейниках. Когда они вновь сели перед ним, большая и меньшая, виляя хвостами, он ещё не обрёл дар речи, и только, повернув голову, повторил газами их манёвр. Он перевёл ошарашенный взгляд на собак.

– Так вы... – не договорил он, покрутив пальцем в воздухе.

Собаки вновь переглянулись, сели на задние лапы, поднялись и – рассеялись, просто истаяли, превратившись снова в два потока ветра, золотисто-рыжий, пахнущий абрикосами, и серебристо-золотой, с запахом миндаля.

– Так вот зачем вам сегодня понадобились ошейники, – он переводил изумлённый взгляд с одной на другую и обратно. – Вот почему никто не обращал внимания на то, как вы ежедневно утром и вечером пересекаете луг между домом и лесом. Потому что вы этого и не делаете. Только когда я смотрю, да зимой немного, чтобы снег налип, – он, потрясённый, сел на камни и свесил ноги влево, рядом с решёткой. – А я ещё клещей искал...

Собаки выбили его из колеи сильнее всего того, что происходило с ним до сих пор. Собаки снова собаками сели по бокам от него. Большая ткнула его в плечо лбом и постучала хвостом о камни. Он дотронулся до её лба, нормального собачьего лба, погладил с другой стороны от себя меньшую, тоже вполне себе собачью собаку. Это немного вернуло ему присутствие духа.

– Значит вы, собаки, не собаки. Ну, не вполне собаки. Если так можно выразиться, – начал он выстраивать для себя новую систему координат. – А вы разговаривать ещё случаем не умеете? – большая опустила голову, похоже, ей было смешно. – Жаль, жаль, – он улыбнулся, и ему полегчало. – Ладно, поговорим по дороге.

Они поднялись и пошли дальше по стене.

— Я правильно понял? Это ведь что-то вроде расчёски для ветра?

Собаки завиляли хвостами, и он продолжил:

– Туда, – он показал большим пальцем назад, – дует ветер, здесь причёсывается, – собаки зафыркали, и он улыбнулся. – А дует он оттуда, – он махнул рукой вперёд.

Собаки вновь согласились.

– И я заметил, что ветер там, внизу, здорово побледнел, пока мы идём. Получается, ветер не только вычёсывает всякие листики, он лишается своего цвета? И запаха? И становится просто ветром – лёгким, свежим, невидимым и... каким? Первозданным?

Собаки завиляли хвостами так яростно, что бока заходили ходуном.

– Я понял, – кивнул он. – И лес – тоже, своего рода, гребёнка. Ветер ведь в деревне дует разный – то с запада, то с востока, то с севера, да какой угодно. Так что он может достигать леса под любым углом, лес его выравнивает и направит на поле с ковылём, а там уже и ворота, – собаки не перебивали. – А вот со стороны леса я ветра не припомню. Я, конечно, пристально наблюдал совсем недолго, но не помню, чтобы такой был, – продолжал он рассуждать вслух. – А может, и был. А может, не было...

Собаки переглянулись.

– Да, вы правы. Здесь всё устроено так, как мне пока не понятно. А вы? У вас ведь своя функция. Вы, если позволите, зачем? – он улыбнулся, надеясь смягчить некоторую топорность вопроса в лоб.

Большая подошла и ткнулась ему лбом в ногу. Он опешил.

– Я? А зачем вам я?

На это собаки не ответили. Просто посмотрели на него, дружелюбно и виляя хвостами, и пошли вперёд как ни в чём не бывало. Он озадаченно последовал за ними.

Заканчивались стены так же постепенно, положим спуском сверху и подъёмом дна котлована до поверхности земли. Здесь была та же короткая и жёсткая выгоревшая травка. Когда они спускались, он снова чувствовал вокруг себя стремительные потоки ветра, но теперь они были другими. Он видел новый ветер, как воду. Вроде, тот был прозрачный, но он его всё равно видел. И чувствовал его запах. Самый прозрачный, самый... воздушный. Он усмехнулся, пытаясь подобрать слова. Выходило каждый раз как-то нелепо. Словом, он его видел и чувствовал. И, хоть не было уже той забавы с запахами и умопомрачительного разноцветного сияния, здесь он увидел чистый ветер, изначальный. Такой, каким он появляется там, в мире. На выходе из коридоров, на пустом пространстве до выходных ворот обновлённый ветер, единый, цельный, ещё неделимый, закручивался вихрем. А затем уносился из ворот туда, где разобьётся на потоки, чтобы снова через время собраться у входных ворот симфонией в сотни голосов.

Он сел на землю рядом с открытой створкой ворот и смотрел, как уносится прочь новый ветер. Собаки собаками сидели рядом.

– Кто же всё это соорудил? Кто-то же ведь пришёл сюда давным-давно. Кто-то, видящий ветер. И построил эти стены, снабдил коридоры решётками, оградил это место воротами, заповедал его и сумел направить ветер. А может, это сам ветер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.